Писатели-патриоты великой родины

ДЕНИС ДАВЫДОВ

(1784–1839)

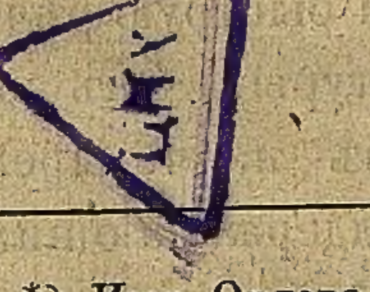

Госполитиздат
1942

…аменами Мадатова противъ

Солдаты ликовали.

Памятникомъ такого настр… понынѣ солдатская пѣсня, с… рѣкѣ Акстафѣ унтеръ-офицер… вымъ, которому принадлежит… сенъ, долгое время распѣвав…

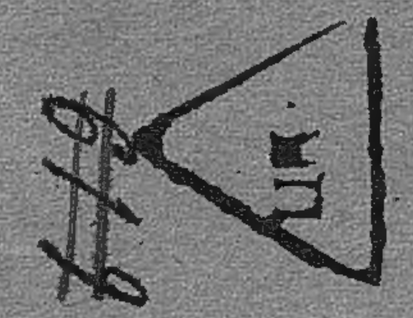
*) Имя Орлова въ свое время … популярностью. Вотъ эта пѣсня, с…

Буря брани зашумѣла, …
Поскорѣй, друзья, къ …
Въ чисто поле поспѣша…

60

ДЕНИС ДАВЫДОВ

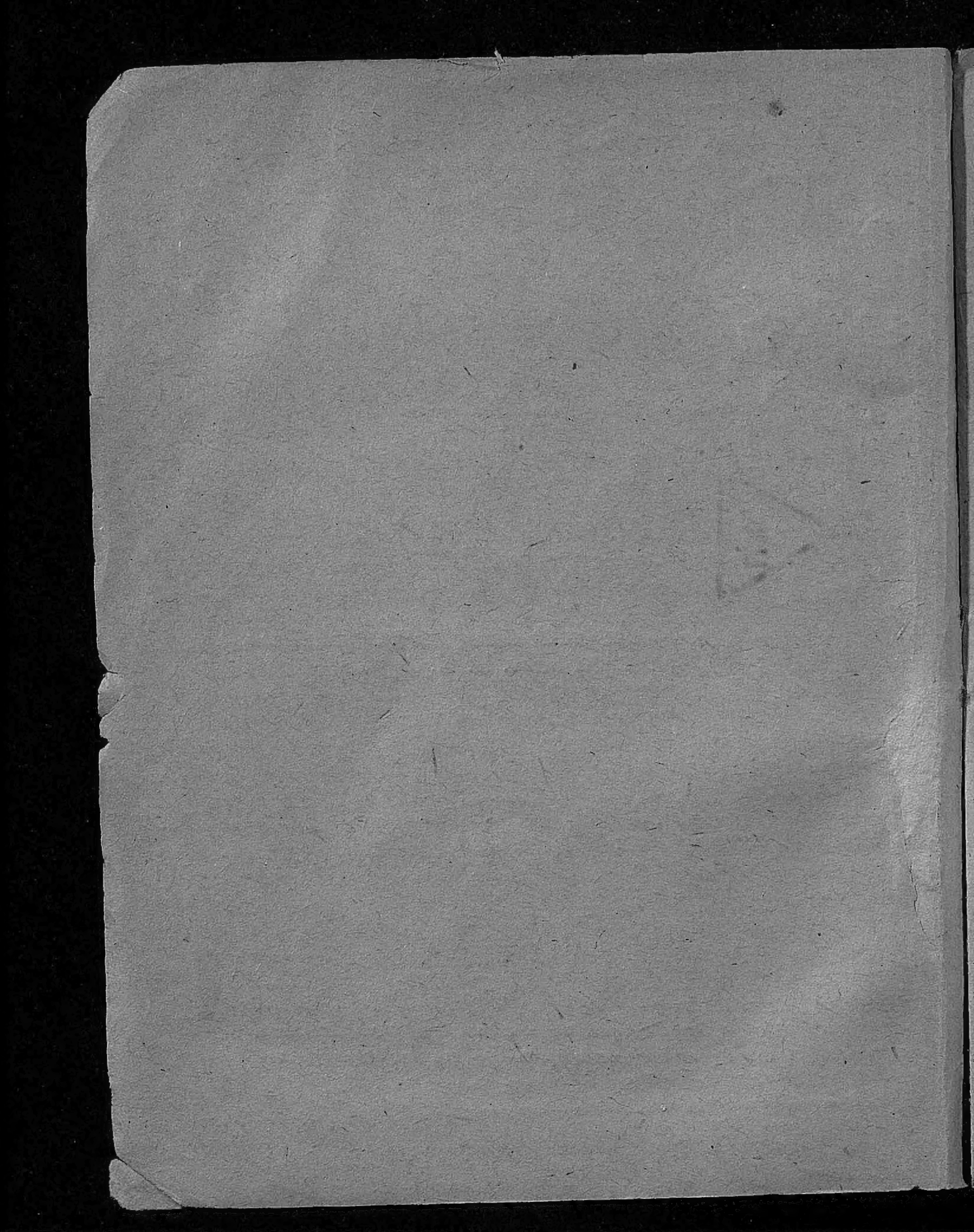
СТИХОТВОРЕНИЯ И СТАТЬИ

*Подготовка текста
и вступительная статья
С. Иванова*

*Под редакцией А. М. Еголина, Е. Н. Михайловой,
И. Н. Розанова, М. М. Эссен*

ОГИЗ
*Государственное издательство
художественной литературы*
МОСКВА 1942

ПОЭТ-ВОИН

Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!

Денис Давыдов

Правильную оценку Денису Давыдову дал великий русский критик В. Г. Белинский, писавший о поэте-партизане, что он «примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военноначальничества, — наконец, он примечателен, как человек, как характер».

Денис Давыдов замечателен и своей военной деятельностью и литературным творчеством. Главное же и основное — что и в жизни, и в военной деятельности, и в творчестве он всегда оставался самим собой — горячим патриотом своего отечества и страстным, мужественным, героическим бойцом за свою родину.

Война — стихия Дениса Давыдова.

Всю свою жизнь посвятил он войне, борьбе за родину, за отечество. Русская армия была его страстью и он считал потерянными дни, когда был вынужден находиться вне армии, не со своими солдатами. И тогда, в это вынужденное военное безделье, он мечтами не расставался с солдатами. Он писал: «Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались».

Военная обстановка окружала Дениса Давыдова с детства, она была наследственным явлением в его семье. Его отец, Василий Денисович Давыдов командовал конным полком. Маленький Денис увлекался военными играми, походами, маршами. Встреча девятилетнего Дениса с великим полководцем Суворовым окончательно предопределила весь его жизненный путь. В прекрасной статье «Встреча с Суворовым» Денис Давыдов писал:

«Около десяти часов утра все зашумело вокруг нашей палатки, закричало: «скачет, скачет!» Мы выбежали и увидели Суворова во ста саженях от нас, скачущего во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, как после упадало при встрече с любимой женщиной. Я весь был взор и внимание; весь был любопытство и восторг...» Суворов подъехал к детям полковника Давыдова, поздоровался с ними и спросил у Дениса: «Любишь ли ты солдат, друг мой?». «Я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все, и солдаты, и победа, и слава!» — «О, помилуй бог, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!». С этим словом он вдруг поворотил лошадь, ударил ее нагайкой и поскакал к своей палатке».

В 1801 г. осуществилось страстное желание Дениса Давыдова. Он был принят в кавалергардский полк. В это время Давыдову уже было семнадцать лет (он родился в 1784 г.). «Наконец, — писал в своей автобиографии Денис Давыдов, — привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою».

Первое боевое крещение Денис Давыдов получил в войне 1806—1807 гг. в Пруссии, под руководством блестящего полководца, ученика Суворова, народного героя П. И. Багратиона, при котором Давыдов в течение пяти лет состоял адъютантом. Он был активным участником Финляндского похода 1808—1809 гг., войны 1809—1810 гг., Отечественной войны 1812 г., кампании 1813—1814 гг., персидской войны 1826 г. и польской кампании 1831 г. Во всех этих войнах Денис Давыдов выказал себя храбрым, отважным воином, умеющим сражаться и командовать.

Подлинным народным героем стал Денис Давыдов в Отечественную войну двенадцатого года, когда он организовал и возглавил великое русское партизанское движение. «Он славен — славою двенадцатого года», — писал Пушкин. Эту эпопею сам Денис Давыдов ярко и красочно нарисовал в своем «Дневнике партизанских действий 1812 г.», произведении, показавшем все величие русского народа и не менее ярко охарактеризовавшем самого автора.

Вместе со всем русским народом переживал Денис Давыдов

острое чувство «оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству» и это горячее чувство подсказало ему новую форму народной войны — партизанское движение, охватившее всю страну и погубившее Наполеона.

Не Денис Давыдов «изобрел» партизанскую войну. Партизанское движение вспыхнуло в России в войну двенадцатого года стихийно, оно было вызвано к жизни самим народом, оно возникло из народных низов, из крестьянства, горячо любившего свою родину и оскорбленного в своей народной гордости жестокими оккупантами. Недаром французы писали впоследствии, что «каждая деревня превращалась при нашем приближении в костер или в крепость». Сам Денис Давыдов писал, что, начиная действия своего отряда или, как он говорил, группы, он на каждом шагу встречался с поднявшимся во весь свой могучий рост русским крестьянством.

Величие Дениса Давыдова в том, что он первый понял все значение партизанской войны, убедил в этом русских полководцев, возглавил партизанскую войну, придал ей определенные организационные и тактические формы, создал первый партизанский *регулярный*, если можно так выразиться, отряд, с этим отрядом кромсал по частям наполеоновскую армию, а впоследствии написал трактат о значении, стратегии и тактике партизанской войны.

Совершенно правильно писал Лев Толстой в «Войне и мире»: «Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками. Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашиваясь правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого для узаконения этого приема войны».

Поняв и оценив значение партизанской войны русского народа с иноземными захватчиками, Денис Давыдов еще до Бородинского сражения обдумал необычайно смелый для того времени план узаконения, облечения в определенную форму партизанского движения и обратился с этим планом к своему начальнику князю Багратиону. Кутузов «благословил» Дениса Давыдова и дал ему 50 гусар и 80 казаков.

Чудеса совершал Денис Давыдов со своим отрядом, изо дня в день увеличивавшимся благодаря притоку крестьян-партизан. Денис Давыдов прекрасно понимал, что его отрядик должен служить лишь организующим центром, быть магнитом, призванным притягивать к себе огромную народную массу, поднявшуюся на Отечественную войну с захватчиками, и, совершая героические подвиги со своим отрядом, он с первых же дней стал собирать под свои знамена восставший народ.

Не будем пересказывать, как действовал Денис Давыдов. Читатель найдет в этом сборнике красочные страницы, написанные самим Денисом Давыдовым, в которых он рассказывает, как создавались народные партизанские отряды, как сплачивался вооруженный народ, как героически бился он за родную землю, за жизнь, за свои поля и дома, как бил и гнал он полчища прославленного полководца, как разгромил и изгнал он со своей священной земли наглого и самоуверенного завоевателя.

Приведем лишь небольшой отрывок из «Дневника партизанских действий 1812 г.» (этот «Дневник» не вошел в настоящий сборник, так как недавно выпущен отдельной книжкой в издании Гослитиздата), характеризующий тактику Дениса Давыдова и его кровное родство с народом, понимание характера, мыслей и чувств народных. Прибыв в какое-нибудь село, Денис Давыдов созывал «мир», раздавал крестьянам захваченные у неприятеля ружья и патроны, призывал крестьян защищать свою собственность и землю, давал им наставления, как поступать с неприятелем. «Примите их, — говорил он крестьянам, — дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать с врагами... нашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу, или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей недавно выкопанной земли; для того набросайте на него кучу камней, бревен, золы, или другого чего. Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее, — все жгите или за-

рывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество; но отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень многое число французов, садились бы на лошадей и скакали бы срочно искать меня, — я приду к вам на помощь... Все, что я вам сказал, перескажите соседям вашим».

С началом партизанской войны русского народа наполеоновская армия ни на минуту не чувствовала себя в безопасности. Ранение, смерть или плен караулили французов на каждой улице села, в каждом доме, за каждым кустом. Обозы с продовольствием, транспорты с вооружением, курьеры с оперативными бумагами — все это отбивалось партизанами и казаками. Денис Давыдов носился по тылам, налетал на бивуаки противника, громил склады. Паника овладевала французами, и в этой панике таилась их гибель.

Отряд Дениса Давыдова стал] руководителем всего крестьянского партизанского движения. За голову Давыдова французы назначили громадную награду. Для его поимки был сформирован специальный крупный отряд. Ничто не помогало. Неуловимый Денис Давыдов имел друзей в каждом селе, в каждом доме, тысячи добровольных разведчиков извещали его о французах, сотни добровольных проводников показывали самые краткие и самые скрытые переходы. Французская армия была буквально, как пишет Денис Давыдов, «облеплена» партизанами, «не могла сделать шагу потаенно».

Рост партизанского движения страшно беспокоил Наполеона и заставил его, гордого завоевателя, покорившего почти весь мир, дважды сделать предложение Кутузову прекратить «незаконные» действия русских партизан, «сообразовать военные действия с правилами, установленными во всех войнах». Наполеон получил классический ответ от Кутузова, единственный ответ, который мог дать этот славный народный воин. Кутузов ответил ему: «Весьма трудно обуздать народ, оскорбленный всем тем, что перед ним

происходит, народ, не видавший неприятеля в недрах своего отечества уже двести лет и потому готовый погибнуть за него».

Сурова была жизнь, беспощадна была борьба. Эта жизнь и борьба выковывали в партизанах великолепные боевые качества — смелость, находчивость, отвагу.

Русский народ победил в этой грозной борьбе. Русский народ отстоял свою родину, не дал воцариться на своей земле иноземному игу. И в этой борьбе, в этой победе большая роль принадлежит поэту-партизану Денису Давыдову.

Денис Давыдов прославился своими воинскими подвигами — бойца-партизана и военачальника. Но он оставил глубокий след и в русской литературе своими поэтическими и прозаическими произведениями. И так же, как и его жизнь, его творчество в преобладающей части посвящено патриотическим темам — любви к родине, любви к народу.

Денис Давыдов литературой занимался урывками, между прочим. Он говорил: «Я не поэт — я партизан, гусар...» И однако его творчество не только носит все элементы большого таланта, но и представляет собою оригинальные, только Давыдову свойственные — и по существу и по форме — произведения.

Важнейшее значение имеют прозаические сочинения Дениса Давыдова, которые можно объединить названием «Военные записки». Достаточно сказать, что Белинский, прочитав «Военные записки» Дениса Давыдова, заявил, что Давыдов «имеет право стоять на ряду с лучшими прозаиками русской литературы».

Давыдов писал однажды: «Служа долго, я много видел и много замечал, я точно живой лексикон как людей, так и происшествий». Конечно, далеко не все из виденного и наблюдаемого им вошло в его записки. Но и в том виде, как они есть, «Военные записки» Дениса Давыдова представляют собою один из важнейших и достоверных документов военной истории России первой трети XIX в.

Записки Давыдова — не обычные мемуары, не дневник. Это художественно-исторические записи, проникнутые подлинным, горячим патриотизмом, глубоко правдивые, насыщенные огромным чувством любви к народу и родине. «Дневник партизанских действий 1812 г.», составляющий центральную часть записок, является

правдивым, высокохудожественным и темпераментным описанием Отечественной войны, которую, как мы и говорили выше, Давыдов понимал как войну народную, освободительную. Он говорил о мощном партизанском движении, как о «поэзии подвига, от которого нравственная сила рабов вознеслась до героизма свободного народа». Эти мысли он и вложил в «Дневник». Народу посвящены эти записи, о народе говорит в них Давыдов, народу отдает он всю честь и славу разгрома интервентов.

«Дневник» Давыдова — не только описание событий Отечественной войны; он в то же время и резкая отповедь Наполеону, который, для оправдания неудачи похода на Россию, приписывал поражение своей армии лишь суровым российским морозам. Давыдов не отрицает, что и морозы оказали «губительное влияние» на войска Наполеона, но дело было не в них, ибо морозы наступили тогда, когда армия Наполеона «в смысле военном уже не существовала». Победили наполеоновскую армию героизм русской армии, доблесть и ум ее военачальников и, главное, мужество и сила всего русского народа, грудью вставшего на защиту своей родины.

Другим замечательным прозаическим произведением Дениса Давыдова, имеющим и в наши дни огромное значение, является его теоретическое обоснование народной партизанской войны, сделанное им в трактате «О партизанской войне». Он первый в истории русской литературы и русского военного искусства (да и не только русского) обобщил опыт партизанского движения 1812 г. и создал теоретическую базу партизанской войны.

Записки Давыдова являются творением выдающегося мастера. Темпераментная манера письма, остроумный, живой слог, «огненное» письмо, как говорили современники, — все это самобытно, оригинально, присуще только ему одному. Недаром выдающиеся современники Давыдова считали его одним из лучших прозаиков русской литературы. Мы приводили уже оценку, данную Белинским. Пушкин находил в записках Давыдова «резкие черты неподражаемого слога». Действие прозы Давыдова на современников было огромно. П. А. Вяземский свидетельствует: «Мне случилось слышать чтение Дневника Давыдовым в кругу молодых офицеров; надобно было видеть, какое действие производили на них описания

битв и дел Давыдова: они восклицали вместе с ним, горели нетерпением вступить в след его; я сам, мирный житель отечественных полей, увлекаем был непреоборимым порывом поэзии, горящей в словах, в выражениях Давыдова!»

Этот живой, темпераментный стиль письма сближает прозу Давыдова с его поэзией. В поэзии Давыдова мы почти не найдем батальных сцен. В каждом стихотворении Дениса Давыдова присутствует человек со всеми присущими ему человеческими чертами, чувствующий и воспринимающий великое и смешное, веселое и грустное.

Правильнее всего было бы назвать поэзию Дениса Давыдова военно-бытовой лирикой. В центре всего его поэтического творчества стоит портрет самого автора, яркий, действующий на воображение. Образ веселого и храброго поэта-гусара выписан тончайшими красками, талантливо и правдиво. Денис Давыдов встает со страниц своих стихов как живой, со всеми его достоинствами и недостатками, со всеми присущими ему человеческими чертами. И главнейшей чертой его является глубокая любовь к народу и родине. Везде и во всем проявляется его патриотизм. В стихотворении «В альбом» он клянется: «Пусть загремят войны перуны, я в этой песне виртуоз»; в «Песне» «за тебя на чорта рад, наша матушка Россия»; в «Элегии IV»:

Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный
Вновь за родину восстать.

Он воспевает Москву, «колыбель надежд и грез человеческих», вспоминает своих славных соратников по Бородинской битве, провозглашая «Тост на обеде Донцов», он говорит о себе, как о друге «народа удалого», в «Современной песне» — сатире, направленной против либерального дворянства, которому он противопоставляет «век богатырей», Давыдов находит прекрасные слова о России:

Но на зло врагам она
Все живет и дышет,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Пушкин называл Давыдова «своим отцом и командиром», «певцом и героем». Вяземский писал о стихах Дениса Давыдова, что они

Так и скачут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки смеются
И задергало плечо.

Н. Языков говорил:

Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Прекрасен образ Дениса Давыдова, славного и своими военными подвигами и своим творчеством. Замечательны жизнь и деятельность поэта-воина, прославившего в своих произведениях великий русский народ.

В дни Великой отечественной войны советского народа с фашистскими захватчиками советский читатель с гордостью и любовью вспоминает Дениса Давыдова, активного участника разгрома наполеоновских полчищ, вспоминает его замечательное предсказание, осуществляемое в наши дни: «Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется».

С. В. ИВАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

(Автобиография)

Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном оного до Бородина; подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партиею гусар и казаков (130 всадниками) в тыл неприятеля, в середину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Белыничами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов — в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!!!

Давыдов не много писал, еще менее печатал; он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые довольствовались *рукописною* или *карманною* славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотрщиков. Запрещенный товар — как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения...

Общество любителей российской словесности, учрежден-

ное при Московском университете, удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих...

При всем том Давыдов не искал авторского имени и как приобрел оное — сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах; на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, поодиночке, наскоком, очертя голову; день их — был век их.

Сходство между ними идет далее: в каждой войне он пользовался общим одобрением, общею похвалою; в мирное время о нем забывали вместе с каждою войною. То же было и с журналами, заключающими стихи его, и с его стихами. Кому известна ныне служба его во время войн в Пруссии, в Финляндии, в Турции, в России, в Германии, во Франции, в Грузии и в Польше? Кто ныне знает о существовании какой-нибудь «Мнемозины», какого-нибудь «Соревнователя просвещения», «Амфиона» и других журналов, *поглощенных вечностью* вместе со стихами Давыдова?

Никогда бы не решился он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы и на помещение ее на *непременные квартиры* у книгопродавца, если бы добрые люди не доказали ему, что одно и то же — покоиться ей розно или вместе...

Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; по мнению некоторых — воображением, рассказами и разговорами; по мнению других —

по залету и отважности его военных действий. Что касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говаривал нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оного утешали его, как бутылка шампанского, как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым, упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и без желания уделить кому-нибудь хотя бы малейшую каплю своего наслаждения.

Заключим: Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах собратствует, как однолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли, везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!..

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, — лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой, —
Я в этой песне запевало!

ПАРТИЗАН

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют пороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет — вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — Донцы, друг — конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушьми,
То фыркает, то удил просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...

ПОЛУ-СОЛДАТ

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Все так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И все кипит, и все гремит:
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вкруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш,
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: *друг, явись!*
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И чтимый *выродком* глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вкруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем,
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз [1], нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

---

[1] Заоблачная гора, на границе Эриванской области (*Примечание Д. Давыдова*).

2*

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека[1] груда снеговая...

На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

---

[1] Одна из высочайших гор Кавказского хребта. (*Примечание Д. Давыдова*).

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся в круговую
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь

И в несчастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Чернобурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Нутка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ

О, юности моей гостеприимный кров!
О, колыбель надежд и грез честолюбивых!
О, кто, кто из твоих сынов
Зрел, без восторгов горделивых,
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимых сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
    Я люблю кровавый бой,
    Я рожден для службы царской!
За тебя на чорта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
    За тебя на чорта рад,
    Наша матушка Россия!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
    Станем, братцы, вечно жить
    Вкруг огней, под шалашами!
О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
    О, как страшно смерть встречать
    На постели господином!
То ли дело средь мечей:

Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
    То ли дело средь мечей:
    Там о славе лишь мечтаешь!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
    Я люблю кровавый бой,
    Я рожден для службы царской!

ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И в безумстве упоенной
Чадом славы бранных дел, —
Посреди грозы военной
Счастие найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечной,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой,
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О, мой милый друг! С тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,

Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

ТОСТ НА ОБЕДЕ ДОНЦОВ

Брызни искрами из плена
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи моя любовь
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякой маменькин сынок,
Всякой обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма сопостат,
Равенства оратор, —
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус, да в рыло.

А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон —
Вроде бородавки.

Для него славнее бой
Карбонаров бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал,
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? — Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?..

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным,
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? — Быть может, он богат
Счастьем семьянина,

Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах развалясь
Все шипит да свищет.

Что ж? — Быть может, старины
Он бежал приманок?
Звезды, ленты и чины
Презрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял...
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах:
Свечи да кенкеты,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс
Чопорных и тощих;

И козявка-егоза,
Девка пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;

И в очках сухой паук,
Длинный лазарони,
И в очках плюгавый жук
Разноситель вони;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе,
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч-клоп,
Муж... женоподобный, —

Все вокруг стола — и скок
В кипеть совещанья
Утопист, идеолог,
Президент собранья,

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет,
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum! [1]

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам, и царям —
Всем приходит жутко!
Все, что есть — все в пыль и прах!
Все, что процветает, —
С корнем вон! — Ареопаг
Так определяет.

---

[1] Господь с вами! (*лат.*)

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России, — боже мой!
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но на зло врагам она
Все живет и дышет,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос, — она
Чхнет — и вон букашка!

СТАТЬИ

О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

Односторонний взгляд на предмет или суждение о нем с мнимою предусмотрительностью есть причина того понятия о партизанской войне, которое не престает еще господствовать. *Схватить языка*, предать пламени несколько неприятельских хранилищ, недалеко отстоящих от армии, сорвать внезапно передовую стражу или в умножении партий видеть пагубную систему раздробительного действия армии — суть обыкновенные сей войны определения. И то и другое ложно! Партизанская война состоит ни в весьма дробных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, чрез что заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова!..

...Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность партизанской войны при огромных ополчениях и системе сосредоточения в действиях нашего времени, сделаем несколько вопросов и ответов. Во-первых, кем производится война? — Людьми, соединенными в армии.

Во-вторых, но люди, так сказать, с пустыми руками могут ли сражаться? — Нет. Война — не кулачный бой. Этим людям нужно оружие; но со времени изобретения пороха и оружие само собою недостаточно: этому оружию нужны и патроны и заряды для произведения действия, от него требуемого; а так как патроны и заряды более или менее выстреливаются в каждой битве и деление их затруднительно при движениях и действии войск, то необходимо нужно снабжать оружие новыми зарядами и патронами с того места, где они приготовляются. Это ясно доказывает, что армия, и с оружием в руках, но без патронов и зарядов, не что иное, как устроенная толпа людей с рогатинами, толпа, которая от первого неприятельского выстрела должна рассеяться или, приняв битву, погибнуть. Словом, нет силы в армии или можно сказать, что со времени изобретения пороха — нет армии без зарядов и патронов.

В-третьих, требует ли армия подкрепления в течение войны? — Требует, по мере потери людей и лошадей в сражениях, в стычках и перестрелках, также и от ран, получаемых ими в битвах, также и от болезней, умножающихся от усиленных переходов, ненастья, трудов и недостатков всякого рода. Без укомплектования себя армии должны мало-по-малу уменьшаться и потом исчезнуть совершенно.

Наконец, в-четвертых, нечего спрашивать, нужна ли пища солдату, ибо человек без пищи не только сражаться, но и жить не может; а так как доказано, что по многолюдству своему армии нашего времени не в состоянии довольствоваться произведениями того пространства земли, которое они собою покрывают, то им необходимы подвозы с пищею, без которых они должны или умереть с голоду, или, рассеясь для отыскивания пропитания за круг боевых происшествий, превратиться в развратную толпу бродяг и грабителей и погибнуть по частям, без защиты и славы.

Итак, чтобы лишить неприятеля сих трех, можно ска-

зать, коренных стихий жизненной и боевой силы всякой армии, какое для сего избрать средство? Нет другого, как истребление их во время их перемещения с поля запасов на боевое поле, следственно, средством партизанской войны. Что предпримет неприятель без пищи, без зарядов и без укомплектования себя войсками? Он принужден будет или прекратить действие миром, или пленом, или рассеянием без надежды на соединение — три последствия весьма неутешительные и совершенно противоположные тем, которые стяжает всякая армия при открытии военных действий. Независимо от гибели, которою угрожает партизанская война сим трем коренным стихиям силы и существования всякой армии, есть второстепенные необходимости, тесно связанные с благосостоянием ее, и не менее подвозов с пищею и с зарядами, не менее доставления к ней резервов подвергающиеся опасности: подвозы с одеждою, с обувью и с оружием на смену испорченному от чрезмерного употребления или потерянному в сумятицах сражений; хирургические и госпитальные вещи; курьеры и адъютанты, возящие иногда весьма важные повеления из неприятельской главной квартиры к оставшимся позади областям, резервам, заведениям, отдельным корпусам и отрядам, так, как и донесения последних в главную квартиру, чрез что разрушается содействие всех частей между собою. Транспорты раненых и больных, перевозимых из армии в больницы, или команды выздоровевших, возвращающихся из больницы в армию; чиновники высшего звания, переезжающие с одного места на другое для осмотра отдельных частей или для принятия отдельного начальства, и прочее.

Но это недостаточно. Партизанская война имеет влияние и на главные операции неприятельской армии. Перемещение ее в течение кампании по стратегическим видам долженствует встретить необоримые затруднения, когда первый и каждый шаг ее может немедленно быть известен противному полководцу посредством партий, когда сими же партиями, на первом и на каждом шагу, она может быть

задержана засеками, истребленными переправами и атакована всеми противными силами в то время, как, оставя один стратегический пункт, она не успела еще достичь до другого, что приводит нам на память Сеславина и Малоярославец. Таковыми преградами угрожает неприятель и во время отступления своего. Преграды эти, воздвигнутые и защищаемые партиями, способствуют преследующей армии теснить отступающую и пользоваться местными выгодами для окончательного ее разрушения: зрелище, коему мы были свидетелями в 1812 г., при отступлении Наполеоновых полчищ от Москвы до Немана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступает вещественной части этого рода действия. Поднятие упадшего духа в жителях тех областей, которые находятся в тылу неприятельской армии; отвлечение от содействия ей людей беспокойных, корыстолюбивых посредством всякого рода добычи, отбиваемой у нее и разделяемой с жителями в замену приманок, расточаемых им вождями противных войск в одних только прокламациях; одобрение собственной армии частым доставлением к ней и под глаза ее пленных солдат и чиновников, обозов и подвозов с провиантом, парков и даже орудий, и сверх того потрясение и подавление духа в противодействующих войсках — таковы плоды партизанской войны, искусно управляемой. Каких последствий не будем мы свидетелями, когда успехи партий обратят на их сторону все народонаселение областей, находящихся в тылу неприятельской армии, и ужас, посеянный на ее путях сообщения, разгласится в рядах ее? Когда мысль, что нет ни прохода ни проезда от партий, похищая у каждого воина надежду при немочи на безопасное убежище в больницах, устроенных на поле запасов, а в рядах достаточное пропитание, с того же поля привозимое, в первом случае произведет в нем робкую предусмотрительность, в последнем — увлечет его на неизбежное грабительство, одну из главных причин падения дисциплины, а с дисциплиною — совершенного разрушения армии.

Иностранные писатели излагают законы военного искусства не для нас, русских, а для государств, коим принадлежали они, следственно, по масштабу и по свойству военной силы, им известной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и местность, и поныне находясь за пределами понятий и расчетов их, столь резко разнствуют с другими государствами. Например, правила, чтобы не употреблять легкого войска на долгое время и на дальнее расстояние от главной армии, дабы чрез то не лишить ее той числительной силы, которая в генеральных сражениях так необходима, и что партизанская война безопасна только в собственном и в союзном государстве, но гибельна и невозможна в пределах неприятеля — суть правила справедливые и неоспоримые относительно всех европейских государств, но ошибочные относительно России.

Легкая европейская конница составлена из людей одинакового свойства с людьми, составляющими все другие части линейного войска. Она различествует от них одною одеждою и названием, но ничем другим: ни особою способностью к наездам и поискам, ни особою отважностью, сноровкой и подвижностью; следственно, отделение от главной массы такой легкой конницы на предприятия, по неспособности ее, неверные и гадательные — есть истинное раздробление армии на части и лишение ее сил, необходимых в генеральных сражениях. К неспособности этой конницы на отдельное действие надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребывание ее в неприятельской земле, которой народонаселение в такой вражде или в явном против нее восстании. Все это чуждо для российской армии. Легкая конница ее состоит не из бригад или дивизий, носящих только звание легкого войска, а из целых племен воинственных всадников, исключительно занимающихся наездами и из рода в род передающих способность свою к сему роду действия. Конница эта никогда нейдет у нас в счет с линейным войском для генеральных сражений и, мало полезная в них,

превосходна и неподражаема в отдельных поисках. Итак, потому что европейскими армиями не употребляется партизанская война от неимения ни единого истинно легкого всадника и от необходимости содержать в общей массе даже и тех, кои носят звание легких всадников, неужели и мы, обладающие целыми народами летучих, неутомимых и врожденных наездников, нимало не послабляющих отсутствием своим регулярную армию, неужели и мы обязаны воспретить себе род действия, для нас столь полезный, для противников наших столь гибельный? Если бы случилось России воевать государства, у коих не было бы ни артиллерии, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей от употребления противу них и артиллерии и конницы? Что сказали бы об Англии, если б вздумала она заключить флот свой в пристанях, вместо того, чтобы сражаться им в открытом море с флотами, столь много уступающими ему и качеством и количеством?

Вот, однакоже, что делала Россия в отношении к своей легкой коннице. Насыщенная неразрывным рядом побед и завоеваний, приобретенных усилиями одних линейных войск своих, и потому имея все право избегать заботы в изыскании другого рода средств к покорению своих противников, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служивших ей в течение полного столетия. После Бородинского сражения приступлено было к испытанию этого нового употребления легкой конницы. Пущено некоторое число казачьих отрядов на пути сообщения неприятельской армии: и едва отделились они от главных наших сил, как безмятежные дотоле пути сообщения неприятеля приняли иной вид; все обратилось на них вверх дном и в хаос, и несметное число солдат и всяких степеней чиновников, подвозов с провиантом и с оружием, парков с зарядами и даже орудий загромоздили нашу главную квартиру. Безошибочно можно сказать, что более трети войска, отхваченного у неприятеля, и все транспорты, к нему шедшие и доставшиеся нам в сей решительный не-

релом судьбы России, принадлежат тем из казачьих отрядов, кои действовали в тылу и на флангах неприятельской армии. Если вывод единого испытания этого, — ибо по малочисленности партий, пущенных тогда на путь сообщения неприятеля, можно почесть это предприятие истинным испытанием, — если вывод этот, говорю я, представляет нам такой огромный выигрыш при употреблении таких слабых средств, то чего не можно ожидать от развития этого рода действия по размеру, сообразному с многочисленностью легкой конницы нашей в наступательных войнах с Европою?

Надо надеяться или, лучше сказать, можно с достоверностью ожидать, что со временем и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною внимания, потому что они судят о легких войсках наших по своим легким войскам, что и эта часть, от большего и большего усовершенствования, вскоре поступит на степень прочих частей военной силы государства. Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Один из сих слоев состоит, без сомнения, из полудиких и воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтораста, двести тысяч природных наездников. Единое мановение — и застонут поля неприятеля под копытами сей свирепой, неутомимо подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии! Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашею армией, первою в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?

Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!

ВОСПОМИНАНИЕ О КУЛЬНЕВЕ В ФИНЛЯНДИИ

(1808)

Война в Финляндии во время самого разгара своего не обратила на себя взоров ни граждан, ни военных людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнейшими событиями в Моравии и в Восточной Пруссии, чтобы заниматься войною, в коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитых и раненых в одном из сражений предшествовавших войн. К тому же первая половина ее ничем другим не была ознаменована, как вооруженною прогулкою войск наших почти до границы Лапландии и покорением первоклассной крепости слабыми канонадами и наскоками нескольких сотен казаков. Надо согласиться, что и средства, которые доставили нам такие важные приобретения, мало имели права на общее внимание. Зато уверенность в незатруднительном завоевании края этого так усилилась, что когда сосредоточенный неприятель напал на разбросанные по клокам войска наши, когда вспыхнула война народная, когда подвозы с пищею и с зарядами прекратились от набегов жителей, когда пожары разлились по неизмеримому пространству лесов, сквозь которые надлежало нам пробиваться, когда каждый шаг вперед и назад требовал всеминутных пожертвований жизни, — тогда мирные соотечественники наши не хотели верить доходившим до них слухам и, в заблуждении своем, приглашали нас письмами на веселия столицы и на семейственные удовольствия.

А между тем кровь храбрых орошала тундры финские, запекалась на скалах, по ним рассеянных! А между тем лучшую часть жизни мы провождали под инеями севера, средь океана вековых лесов, на берегах озер пустынных, гоняясь за славою, которой не было ни одного отголоска в отечестве!

По заключении мира с Швециею новые грозы нахлынули, новые бедствия, новые торжества увлекли и участия, и обеты, и усилия в другую сторону, — и финляндская война, поглотясь событиями, еще огромнейшими предшествовавших, погибла в неизвестности.

Я пишу не историю, следственно, не беру на себя обязанности вызывать эту войну к бессмертию. Писатель-наездник, я и тем буду доволен, если записки мои напомнят товарищам моим очаровательные минуты нашей юности, и мечты, и надежды честолюбия, и опасности, на которые мы бросались, и кочевья, и беседы оссиановские у пылающих пней, под пасмурным небом.

При первом взгляде на карту Финляндии мы видим, что область эта составлена из неправильного *четвероугольника*, к которому приставлен равнобедренный *треугольник*.

Основанием первому служит северный берег Финского залива, боками: восточный берег Ботнического залива от Або до Вазы и перпендикуляр, падающий от Куопио на Аборфорс; крышею — дорога, лежащая от Вазы на Лаппо, Линдулакс и Койвието в Куопио.

Эта крыша четвероугольника составляет основание треугольника, коего один бок образуем продолжением восточного берега Ботнического залива от Вазы до Улеаборга, другой — дорогою, идущею от Куопио чрез Индесальми к сему же городу.

Непрерывная трясина, усыпанная скалами и осененная дремучим лесом, обширные озера, одни в другие впадающие, и дороги, направляющиеся в виде радиусов к малому числу средоточий и редко где имеющие между собою поперечные сообщения, составляют поверхность Финляндии.

Тавастгуст есть главное средоточие дорог четвероугольника; сверх того, пункт этот имеет сообщения со всеми средоточиями и треугольника, как чрез Лаппо с Ни-Карлеби, чрез Линдулакс с Гамле-Карлеби, чрез Койвисто и Куопио или чрез Гейнолу, Сент-Михель и Куопио с Улеаборгом. Последний город есть, так сказать, застежка всех дорог Финляндии и единственное сообщение с Швециею в летнее время. Зима прибавляет еще два сообщения с Швециею: одно чрез Аландские острова близ Або, другое — чрез Кваркенский пролив близ Вазы.

Все пространство Финляндии, так, как и восточный берег Ботнического залива, не имеют искусственных укреплений. Но северный берег Финского залива защищаем Свеаборгом, крепостью первого класса, коей порт может поместить до шестидесяти военных кораблей, крепостцою Свартгольмом и укрепленными мысами Перкелаутом и Гангоутом, пересекающими береговое плавание гребным флотилиям.

Вся приморская часть этого края много отличается от внутренней относительно благосостояния, опрятности, кротости нравов и даже просвещения жителей. Можно сказать, что, пока едешь от Аборфорса до Або и от Або до Улеаборга, — едешь еще Европою: торговля, сближая людей, стирает с них кору природы и однообразит обычаи и общежитие; но чем более погружаешься в глубину этой области, тем более видишь что нравы народа, оттеняясь мало-по-малу, сливаются, наконец, с суровою и мрачною его обителью.

Так, по крайней мере, было в 1808 г.

Военная сила Финляндии доходила до пятнадцати тысяч человек регулярных войск и до четырех тысяч милиции, разбросанных по всей области. Из числа их до шести тысяч находилось в крепостях Свеаборге и Свартгольме; остальным тринадцати тысячам приказано было немедленно сосредоточиваться у определенных им пунктов при первом известии о наступательном нашем движении. Тавастгуст был назначен сборным местом для тех войск,

которые обитали в южной части четвероугольника; Ваза и оба Карлеби — для находившихся в северной части оного и в южной части треугольника; Куопио — для живущих в Саволакской провинции, а Улеаборг — сборным местом для всех частей, собравшихся в Тавастгусте, в Куопио и в обоих Карлеби.

Сверх того наистрожайше повелено было фельдмаршалу Клингспору, назначенному главнокомандующим шведской и финской армий, не принимать сражения до собрания последней в Улеаборге.

В конце января армия наша расположена была между Фридрихсгамом и Нейшлотом. Она состояла из трех дивизий: 5, 17 и 21-й. Первою командовал генерал-лейтенант Тучков 1-й, 17-ю — генерал-лейтенант князь Горчаков 1-й (вскоре после — генерал-лейтенант граф Каменский), последнею — генерал-лейтенант князь Багратион. К этим дивизиям присоединены были три эскадрона лейб-казаков и полки: Финляндский драгунский, Гродненский (что ныне Клястицкий) гусарский и один донской казачий полк Лощилина.

Пятая дивизия разделена была на три отделения: два, под личным надзором дивизионного командира, находились в окрестностях Нейшлота, один, под командою генерала Булатова, в окрестностях Вильманштранда.

Вся армия заключала в себе до двадцати тысяч человек пехоты и конницы и препоручена была генералу от инфантерии графу Буксгевдену.

Много было толков насчет времени, когда удобнее начинать действия. Некоторые предлагали перейти границу немедленно, другие советовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней кампании состояли в том, что Швеция не была еще в готовности. Финские полки, рассеянные по всему пространству Финляндии, не начинали еще собираться; шведские — еще не прибыли на театр действия. Финляндская область лишена была тех естественных преград, коими она, освобожденная от льдов и снегов, изобилует. Свеаборгская крепость не была ни совершенно

вооружена для регулярной обороны, ни достаточно снабжена военными и съестными потребностями. Сверх того, расположенная на островах, она доступнее зимою, чем по вскрытии льдов, тем более, что некоторые из укреплений требовали еще окончательной достройки; да и те, кои были достроены, имели предметом защиту гавани; следовательно, весь отпор их обращен был к морю, а не к твердой земле, откуда должны были производиться нами осада или приступ. Не в лучшем положении находились и прочие укрепления северного берега Финского залива.

Бесспорно, что отсрочка до весны способствовала нам дождаться войск, идущих изнутри России, и начать действия с большими силами; что весною движением к Вазе или Улеаборгу мы могли отрезать от Швеции финские войска, лишенные зимних проходов чрез Кваркен и Аланд. Но сравнились ли бы выгоды эти с выгодами зимней кампании и не потеряли ли бы они значимости от неудобств, с ними сопряженных и их превышающих? Во-первых: видя армию нашу скопляющеюся несколько месяцев на границе Финляндии, шведское правительство могло воспользоваться этим временем, чтобы собрать финские войска, усилить их своими и принять все меры к укреплению важнейших стратегических пунктов, как-то: Тавастгуста, Куопио, Лаппо, Койвиста и Улеаборга. Обладая Свеаборгом и всеми укрепленными пристанями северного берега Финского залива, долженствующими уже быть тогда в готовности, правительству этому подручно было предпринимать значительные высадки и действия во фланг и в тыл армии нашей, в случае углубления ее в недра Финляндии. Наконец, вскрытие рек и озер вжимало войска наши в дороги, врезанные, подобно жолобам, в непроходимую поверхность, и лишало равнин и прямых сообщений, словом, того необходимого простора для наступательной войны, который столь удобен для предположений и расчетов начальников, оборонительно действующих.

Правительство наше предпочло зимнюю кампанию весенней, вследствие чего дивизии Горчакова назначено было действовать на Свеаборг, дивизии Багратиона — на Тавастгуст, дивизии Тучкова чрез Куопио — на Вазу.

Военные действия открылись 8 февраля.

При вступлении войск наших в пределы неприятельские я был в отпуску. Московские веселости, тогда истинно упоительные, кружили мне голову. Двадцатитрехлетний юноша и уже Лейб-гусарского полка штаб-ротмистр, и уже с двумя крестами на шее и с двумя — на красном ментике, горящем в золоте, я утопал в наслаждениях и, как в эти лета водится, влюблен был до безумия.

Первый слух о войне с Швециею и о движении войск наших за границу выбросил меня из московских балов и сентиментальностей к моему долгу и месту, как Ментор Телемака, и я не замедлил догнать армию нашу в Шведской Финляндии, на полном ходу ее.

На пути к Гельсингфорсу, на станции Сибо, я познакомился с проезжавшим, подобно мне, к генералу своему Архангелогородского пехотного полка поручиком и адъютантом графа Каменского — Закревским. Знакомство, памятное для взаимной нашей дружбы, искреннейшей и не изменявшейся ни в каких случаях.

В Гельсингфорсе находились тогда главная квартира графа Буксгевдена и назначенные для осады Свеаборга войска под начальством графа Каменского. Тут я впервые увидел адъютанта графа Буксгевдена, Невского пехотного полка поручика Нейдгарта, что ныне генерал-адъютантом и командиром 6-го пехотного корпуса.

Ежедневные канонады по крепости, — канонады тощие и только что дразнившие неприятеля и канонады из крепости по нашим батареям, войскам и городу, истинно разрушительные, но более еще приготовление фашин и лестниц, с разглашением от главнокомандующего нашего о скором приступе, задержали меня в Гельсингфорсе. Я на это решился как потому, что знал образ мыслей и чувств начальника моего, который, в случае приступа, с радо-

стию узнал бы о содействии адъютанта своего в таком отважном предприятии, так и потому, что по направлению 21-й дивизии из Тавастгуста в Або не было неприятеля, следственно, нельзя было и ожидать там никакого сражения.

В это время случилось забавное происшествие, вряд ли кому известное или, может быть, давно уже забытое. Во время войны в Восточной Пруссии, восемь месяцев пред войною в Финляндии, Гродненский гусарский полк находился в авангарде князя Багратиона, и потому я был известен всем офицерам этого полка. В Гельсингфорсе пришел ко мне квартирмейстер оного, поручик Малевский или Маековский, — точно фамилии не помню, но что-то на это похожее. В бытность нашу в авангарде он слыхал меня, толкующего вкось и вкривь о военных операциях, и видал меня, смотрящего часто на карту, что было, как кажется, достаточно для удостоверения его в моих высоких военных способностях и познаниях. Полагая, что никто лучше меня не знает о местопребывании штаба полка, к коему он спешил по исполнении данных ему поручений в Петербурге, он явился ко мне с просьбою направить его ближайшим трактом к этому штабу. Восхищенный доверенностию его и зная, что штаб Гродненского гусарского полка находится при 21-й дивизии, я важно развернул карту, счел число переходов от Тавастгуста до Або, определяя на каждый по двадцати пяти, а иногда и по тридцати верст, и, соображаясь со днем выступления этой дивизии из Тавастгуста, *утвердительно* объявил Малевскому или Маековскому, что *штаб полка его теперь в Або*. В расчете этом я не принял в соображение одного только обстоятельства: я забыл, что на карте нет снегу, особенно глубокого, что широкие дороги, на ней показанные, превращены тогда были в тропинки, по которым конница не могла итти иначе, как в один конь, пехота — рядами, а артиллерия и тяжести — с чрезвычайным затруднением, так что вместо двадцати пяти и тридцати верст в сутки 21-я дивизия не в состоянии была проходить в сутки более десяти или двенадцати верст.

Квартирмейстер мой отвесил мне низкий поклон за оказанную ему услугу и, спокойный и полный уверенности в точности показаний двадцатитрехлетнего сорванца-стратегика, пустился в путь на почтовых и въехал в средину Абова, как в средину Москвы или Петербурга.

В Абове не было ни слуха, ни духа о наших войсках; правда, что не было в нем также и неприятельских; но была чернь; но был университет, как всякая чернь, как всякий университет, бурные и ярые против всего того, что им под силу. К счастию, никакой обиды не было причинено нашему от страха уже трепетавшему рыцарю, потому что он успел, прежде чем разнеслась весть о его приезде, скрыться у ландсгевдена или губернатора города, у коего пробыл он ни живым, ни мертвым, до дня прибытия к Абову одного из отрядов 21-й дивизии. Не все еще. Тут только начинается истинный триумф нашего квартирмейстера. Едва показались войска наши, как ландсгевден и главные чиновники Абова перепугались более еще испуганного их гостя. Они не медля прибегли к Малевскому или Маековскому с просьбою о принятии города под свое покровительство и об уведомлении начальника отряда, что город покорился уже российскому оружию с минуты прибытия в него первого российского офицера — самого г-на Малевского. Малевский, ободрясь, нарядился в свой парадный мундир, сел на лошадь ландсгевдена и отправился к отряду, сопровождаемый несколькими гражданскими чиновниками.

Между тем начальник отряда, увидя издали толпу в мундирах и впереди оной — гусарского офицера, принял ее за неприятельскую партию, высланную из города для обозрения силы войск, составляющих авангард наш. Все в нем пришло в движение, начали строиться в боевой порядок, размещаться на позицию, выдвигать пушки и едва ли не взводить курки ружей, — как вдруг белый платок, которым замахал завоеватель-квартирмейстер и вслед за тем прискок его к отряду вывели всех из заблуждения. Оставалось мирно и торжественно вступать в Або и со-

чинять реляцию, — разумеется, уже менее доступную для Малевского, чем столица Финляндии с ее 280 чугунными пушками и с ее шлоссом, заключавшим в себе 323 таких же пушек. Я недолго оставался в Гельсингфорсе. Едва начались переговоры о сдаче Свеаборга, как я уже погонял лошадей по Абовской дороге.

В Абове явился я к моей должности и вместе с тем попал на балы и увеселения. Князь Багратион объявил нам, что 21-й дивизии ничего другого не оставалось, кроме веселья, ибо военные действия в южной Финляндии прекратились и вряд ли после покорения Свеаборга, Свартгольма и мысов Гангоута и Перкелауте возобновятся,— по крайней мере с некоторой значимостию.

Я рассудил, что если уже гоняться за светскими увеселениями, — выгоднее для меня ехать обратно в Москву, где этого рода увеселения на русскую руку: шумны, роскошны и сверх того полны поэзиею: присутствием моей красавицы, — чем оставаться в Абове с неловко прыгающими чухоночками, довольно свежими и хорошенькими, но ни в каком случае не стоящими ружейных выстрелов, для которых пожертвовал я радостями моего сердца. Мысль эта решила меня проситься у князя на север, к генералу Раевскому и Кульневу, которые преследовали финские войска к Улеаборгу. Там еще пахло жженым порохом; там было и мое место. На такого рода просьбы князь отвечал всегда согласием и похвалами. В душе его был отголосок на все удалые порывы юношей, жадных к боевым приключениям и случайностям.

После двухсуточного пребывания моего в Абове длинные финские сани несли уже меня по пустынным и снежным озерам и холмам между скал и дремучих лесов Финляндии. Я скакал в Вазу.

В то время народонаселение было равнодушно и еще покойно. Жители не питали к нам ни малейшей злобы. Проезды курьеров и всякого рода обозов производились с такою же безопасностью, как в средине России. Вскоре рассеяние по всей области пятитысячного финского вой-

ска, сдавшегося в Свеаборге и отпущенного главным начальством нашим во-свояси, и неудачи войск наших на севере — все изменили.

В Вазе был Раевский. Я остался бы при этом полном дарований и неустрашимости военачальнике, при этом с детства моего столь любимом мною человеке, если б Кульнев не командовал авангардом его и, следственно, если бы он не был впереди Раевского, не был ближе его к неприятелю. Я поехал к Кульневу, которого догнал в Гамле-Карлеби и от авангарда которого не отлучался до окончания завоевания Финляндии.

О Кульневе много и многие говорили, даже писали и печатали, всякий по-своему, всякий как слыхал о нем или видал его мимоходом. Некоторые полагали его необыкновенным воином, достойным высших степеней, а потому и командования большими армиями; другие — только храбрым, но без образования человеком, неучем и грубым гусаром.

Прежде чем сказать несколько слов о Кульневе, я предъявляю права мои на верование тому, что я скажу о нем.

Я познакомился с Кульневым в 1804 г., во время проезда моего чрез город Сумы, где стоял тогда Сумский гусарский полк, в котором Кульнев служил майором. Знакомство наше, — хотя он был меня старее ровно двадцать одним годом, — знакомство наше превратилось в приязнь в продолжение войны 1807 г. в Восточной Пруссии. Мы тогда были: я — Лейб-гусарского полка штаб-ротмистром; Кульнев — подполковником Гродненского гусарского полка, в который он переведен был из Сумского. Но в годах 1808 и 1809 в Финляндии и в 1810 в Турции приязнь наша достигла истинной, так сказать, задушевной дружбы, которая неослабно продолжалась до самой его блистательной и завидной смерти. В последних двух войнах, финляндской и турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вместе, как случалось, — то в одной горнице, то в одном балагане, то у одного куреня под кры-

шею неба; ели из одного котла, пили из одной фляжки. Вот в каком отношении мы были один к другому.

Кульнев родился в 1763 г. и получил образование в кадетском корпусе при знаменитом директоре Бецком, в самую блистательную эпоху этого военного училища. Кульнев знал удовлетворительно артиллерийскую науку и основательно — полевую фортификацию, теоретически и практически. Он порядочно изъяснялся на языках французском и немецком, хотя писал на обоих часто ошибочно, но познания его в истории, особенно в русской и римской, были истинно замечательны. Военный человек и *еще гусар*, он не хуже всякого профессора знал хронологический порядок событий и отношения между собою единовременных происшествий, выводил из них собственные заключения, полные здравого смысла и проницательности, и любил предлагать подвиги некоторых римских и русских героев в пример молодым офицерам, служившим под его начальством. Слог приказов, отдаваемых им войскам своим, рапорты начальству, усиленные и быстрые переходы отрядов, ему вверяемых, и притом некоторые странности в образе жизни его, приватные и явные, принимаемы были за подражание Суворову. Это напрасно. Служа при этом великом человеке во время польской войны 1794 г., Кульнев платил ему, подобно всем русским воинам, дань удивления; он, можно сказать, боготворил его и всегда говаривал о нем со слезами восторга, но никогда не старался подражать ему ни в каких странностях. Он одарен был слишком сметливым умом, чтобы решиться на подражание причудам, которые искупаются одними только гениальными качествами и бессмертными подвигами.

Кульнева причуды происходили от его веселого нрава, никогда ни от чего не унывавшего, и от неподдельной, самобытной оригинальности его характера. Суровый образ жизни предпочтен им был роскошному образу жизни от большего приличия первого солдатскому быту. К тому же и не из чего было ему роскошествовать. Из скудного жалования майорского, а потом из весьма в то время недо-

статочных жалований полковничьего и генерал-майорского он ежегодно и постоянно, до конца своей жизни, уделял треть на содержание дряхлой и бедной своей матери, о чем знает весь город Люцин, где она жила. Другую треть употреблял он на необходимые потребности для военного человека: мундиры, содержание верховых лошадей, конной сбруи и прочее; наконец, последнюю,—на пищу себе. Эта пища состояла из щей, гречневой каши, говядины или ветчины, которую он очень любил. Всего этого готовилось у него ежедневно вдоволь, на несколько человек. «Милости просим, — говаривал он густым и громким своим голосом,—милости просим, только каждого гостя с своим прибором, ибо у меня *один*». Питейным он,—подобно того времени гусарским чиновникам, — не пресыщался: стакан чая с молоком поутру, вечером — с ромом; чарка водки перед завтраком, чарка — перед обедом, для лакомства — рюмка наливки, а для утоления жажды — вода или вино или квас; вот все питейное, которое употреблял Кульнев в продолжение суток. На водку он был чрезмерно прихотлив и потому сам гнал и подслащивал ее весьма искусно. Сам также заготовлял разного рода закуски и был большой мастер мариновать рыбу, грибы и прочее, что делывал он даже в продолжение войны, в промежутках битв и движений. «Голь хитра на выдумки, — говаривал он, потчевая гостей, — я, господа, живу по-донкишотски, странствующим рыцарем печального образа, без кола и двора; потчую вас собственным стряпаньем и чем бог послал».

Это отчуждение от роскоши, этот избранный им скромный род жизни давали ему более, чем людям богатым, но увлеченным прихотями сластолюбия и расточительности, средства помогать неимущим. Независимо от этого средства Кульнев обращал самую службу свою на вспомоществование своим родственникам. Получа однажды известие о крайности, в коей находилась его мать, и видя необходимость послать ей пять тысяч рублей, он после Куортанской победы, в которой особенно отличился, просил графа Каменского заменить этою суммой генерал-

майорский чин, назначенный ему в представлении об отличившихся. Граф согласился. Сумма была прислана Кульневу и немедленно отослана им бедной и обожаемой им старушке. В другой раз, во время турецкой войны получил он высочайшее награждение по тысяче рублей ассигнациями в год, на двенадцать лет, и передал право это малолетной, родной племяннице, крестнице своей, с тем, чтобы эти деньги посылаемы были из кабинета в опекунский совет и хранились бы там до ее замужества.

Но этого мало. Благодеяния его не ограничивались одним кругом родственников его. Они простирались далее, хотя в другом виде. Он был неослабным покровителем разжалованных в рядовые штаб- и обер-офицеров, служивших в его отрядах. Во время турецкой войны их было в авангарде его до двадцати человек; все они пользовались самым ласковым, можно сказать, отеческим обхождением его, и все они выведены им были в офицеры в продолжение одной кампании. Пленные неприятели обретали в нем заступника и утешителя. Французский генерал Сен-Женье, взятый им в плен под Друею в 1812 г., залился слезами, услыша о его смерти. Левенгельм, Клерфельт и все офицеры и солдаты финские и шведские, подпавшие участи плена во время войны в Финляндии, отзывались с восторгом о его рыцарских поступках и не переставали питать к нему чувства живейшей благодарности. Жители области, в коей воевал Кульнев, не подвергались ни оскорблениям, ни разорению от солдат его; мало в чем разнился образ жизни их во время войны с образом их жизни в мирное время. Молва о его великодушии разносилась повсюду. Когда, по завоевании Северной Финляндии, он приехал в Або и вошел на бал князя Багратиона, все сидевшие в зале абовские жители обоего пола, узнав, что то был Кульнев, встали со своих мест, танцовавшие оставили танцы, и все общество подошло к нему с изъявлением благодарности за сохранение спокойствия и собственности жителей той части Финляндии, где он действовал, и за оказанные им благодеяния родственникам их, попавшимся

к нему в плен; всему этому я был очевидным свидетелем.

Но странное дело! Воин, до того сочувствовавший всякому, страждущему существу, что крик птицы или скота, которых резывали на бивачных кухнях вблизи куреня его, отвращал его от пищи на целые сутки и более, — этот самый воин был ненасытным зрением погибающих в сражениях и неукротим в гневе на подчиненных своих за малейший проступок их в военном деле. Последним не было пощады. Грозные насчет их приказы, злые, насмешливые им выговоры, внушаемые ему умом, склонным к язвительности и едкости, делали службу под его начальством не всегда приятною, часто нестерпимою. Но строгость с нижними чинами за упадок духа в сражении и грабительство мирных жителей доводила его до такого исступления, что нужны были слова его истинных друзей, — и то после первого взрыва и наедине с ним, — чтобы воздержать его от бесчеловечной жестокости с виновными. Зато попечительность его о пище и благосостоянии солдата, как в военное, так и в мирное время, простиралась за пределы обыкновенной попечительности: «Солдат должен быть чист честью, — говаривал он, — а чтобы иметь право воздерживать его от похищения чужого добра, надо, чтобы он ни в чем не нуждался; у голодного брюха нет уха».

Начальствуя всегда авангардами, Кульнев был неусыпен в надзоре за неприятелем и говаривал: «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армия спала и отдыхала». И подлинно, он почти не спал и не отдыхал. Он, можно сказать, надевал на себя одежду при начатии войны и снимал ее с себя при заключении мира. Все разоблачение его на ночной сон состояло в снятии с себя сабли, которую клал у изголовья. Только в течение дня, по возвращении дальних разъездов с уведомлением о далеком расстоянии неприятеля и бездействии оного, тогда только он позволял себе умыться и переменить белье, после чего немедленно и в ту же минуту опять надевал на себя одежду и в ней провождал ночь, имея коня оседланным у балагана или куре-

ня своего. При первом известии с передовой цепи о выстреле или о движении неприятеля Кульнев являлся с одним только ординарцем или вестовым к той части цепи, откуда слышен был выстрел или где примечен был неприятель. Там, на самом месте происшествия и своими собственными глазами, он видел, нужно ли подымать весь авангард или часть оного, и стоит ли тревога эта, чтобы будить и тревожить всю армию или корпус, к коему каждый возвратившийся начальник разъезда должен был будить его и доносить, видел или не видел, встретил или не встретил неприятеля, все одно. Число разбудов этих доходило иногда до семи и восьми в продолжение ночи. А так как я жил с ним в одном балагане или у одного куреня, то часто разъездные, не зная, кто из нас в котором углу спит, будили меня вместо Кульнева и тем по целым ночам не давали мне покоя, что было истинно невыносимо.

В отрядах Кульнева я впервые заметил новый тогда способ усиливать цепи застрельщиков. Мне давно уже в глаза бросалось неудобство усиливать их с *тыла*. Таким усилением только что умножалась густота в цепях и вместе с густотой поселялся в них беспорядок, который доходил до превращения цепи в безобразную толпу солдат, стреляющих один в другого. Резервы Кульнева располагаемы были более позади флангов цепи застрельщиков, чем позади тыла их, дабы, при отступлении этой цепи от неприятеля, действовать на его фланги. Посредством распорядка этого никогда цепь наша не густела и потому никогда не превращалась в толпу, вредившую более себе, чем неприятелю. Он же, атакованный не столько во фронт, как во фланг или во фланги свои, не мог долго продолжать преследования и отступал часто в беспорядке. Малосведущий в построениях и движениях войск на мирных полях экзерсиций, я не знаю, находится ли этот способ действий в правилах егерской службы, но в истинном бою, в лесистой Финляндии он был чрезвычайно полезен, особенно в решительной Оровайской победе, которая приписана была

графом Каменским Кульневу, награжденному за нее георгиевским крестом 3-го класса.

Чтобы окончательно изобразить Кульнева, прибегаю к самому ему, выписывая несколько строк из его писем и приказов:

После десятилетней службы в майорском чине, без надежды на производство в следующий чин и уже на сорок втором году жизни, Кульнев решился оставить службу. Он писал к родному брату своему в начале 1805 г.:

«Признаюсь тебе, что сия война остается последним моим поприщем. Я не упущу случая и буду служить в ней, как верный сын отечества. После удалюсь в общую нашу деревушку Болдырево. Мне скучно стало не видать перемены в службе моей».

Но тут как бы взыграло солдатское сердце. Он, опомнясь, продолжает:

«Впрочем, война несет и милости и немилости, надо во всем полагаться на волю божию».

«Для чести и славы России, равно и для подпоры несчастного нашего семейства, я не буду щадить живота моего».

Того же году и к тому же брату:

«Я надеюсь, что ты не покинешь бедную мать нашу, и уверяю тебя с моей стороны, что, где бы я ни был, она будет получать определенную мною ей треть. Ежели же меня убьют, то коней и рухляди моей останется ей на три года, ибо все стоит более тысячи рублей. Вот все мое имение, которое нажил я в продолжение двадцатилетней моей службы. Прощай. Благослови на одоление врагов. Заклинаю тебя не покидать любезную мать, а паче, буде меня не станет».

Приказ офицеру, занимавшему пост близ Вазы, в 1808 г.:

«... Ежели бы у вас осталось только два человека, то честь ваша состоит в том, чтоб иметь неприятеля

всегда на глазах и обо всем меня уведомлять. Впрочем, старайтесь отстаивать пункт, который вы защищаете, до самого нéльзя; к ретираде всегда есть время, к победе— редко».

Другой приказ того же года:

«Разные пустые бабьи слухи отражать духом твердости. Мы присланы сюда не для пашни... Честь и слава — наша жатва; чем больше неприятеля, тем славнее. Иметь всегда на памяти неоднократно уже повторяемые мною слова: *честная смерть лучше бесчестной жизни*».

Брату своему, в том же году:

«Будь терпелив и не скучай... Какая служба была несчастнее моей! Теперь все переменилось, и я — довольнейший из смертных своею участию. (Он получил тогда чин полковничий и крест св. Георгия 3-го класса). Лучше быть меньше награждену по заслугам, чем много без всяких заслуг. С каким придворным вельможею, носящим Владимира 1-го класса, поровняю я мой Владимир 4-го с бантом?».

ПРИКАЗЫ

Тридцатого января 1808 г.:

«Вчерашний марш был для всех ровен. В эскадронах, мне вверенных, и лейб не позноблено ни одного, а в эскадроне полкового командира — четыре человека. Из сего должно заключить, что сапоги были тесны, не могли вместить теплой обуви, и более способны для летнего парада, чем для зимнего военного похода. Лучше прилежать к настоящей службе, пещись о благе подчиненных, чем удручать тело человеческое пустым и ни к чему не нужным щегольством, а паче в такое время, когда идешь приобретать новую честь и славу».

Девятого июня того же года:

«Быть готову к движению. Людей никуда не отлучать; придать силы им крутою кашицею. Провиантских много наскакало; требовать от них все, что следует, а не дадут, — рапортовать мне. Кормленый солдат лучше десяти тощих; предполагать маршу нельзя: пойдем на тридцать верст, а очутимся за сто».

Первого июня 1809 г.

«Иметь неусыпное смотрение за чистотою тела солдатского... Можно иногда и мясца из двойного жалованья поесть. Эти деньги пожалованы не для того, чтобы по рукам раздавать, а должны быть в артели, — а артель есть душа и кормилица солдатская».

Пятнадцатого июля 1809 г. Письмо в Белорусский гусарский полк, которого Кульнев назначен был шефом:

«Чистота и опрятность есть источник здравия солдатского. При доброй пище пещися о них по долгу и обязанности службы; вести в эскадронах ежедневную записку, что солдаты ели, какого роду было варево; а когда кашицы поспели, то давать повестку к кашам, и тогда все бросают свою работу. О чем вынужденным нахожусь напомнить, ибо замечено мною неоднократно, что одни едят, а другие работают, — а начальник, глядя на то равнодушно, с сытым желудком, курит трубку, не думая о том, что одни съедят вдвое, а другим ничего не достанется».

Письмо туда же, 1810 г.

«Обучать солдат, как предписано было от главнокомандующего отнюдь не более трех часов в сутки, но знать, чему обучать, на что должно испытывать самих господ офицеров, достаточно ли они знают свое дело, без чего ученье не есть ученье, а мученье».

Приказ при выступлении на завоевание Аландских островов, 1809 г.

«С нами бог! Я пред вами. Князь Багратион за нами».

Другой:

«На марше быть бодру и веселу; уныние свойственно одним старым бабам. По прибытии на Кумлинген — чарка водки, кашица с мясом, щит и ложе из ельнику. Покойная ночь!»

Третий:

«Серьги солдату носить неприлично. Это предоставлено одним женщинам. Солдат должен щеголять опрятностию и чистотою амуниции. Кто носит серьги, тот о звании солдата не имеет никакого понятия».

1812 г. будучи на Двине, следственно недалеко от города Люцина, где жил брат его (мать его тогда уже скончалась), он писал к нему:

«Я повозку мою по сие время не отыщу; остался в одном мундире; пить и есть нечего. Привези, брат, водочки и кусок хлеба подкрепить желудок, ибо с самого начала этой войны я еще не спал и порядочно не ел».

Тогда же к нему же:

«Ежели я паду от меча неприятельского, то паду славно. Я почитаю счастием пожертвовать последнею каплею крови моей, защищая отечество».

Как Кульнев чувствовал, как говорил, так он и сделал. Спустя несколько дней после этого письма, 1812 г. 20 июля в сражении под Клястицами, ядро оторвало ему обе ноги; он упал, и, сорвав с шеи свой крест св. Георгия, бросил окружавшим его, сказав им: «Возьмите! Пусть неприятель, когда найдет труп мой, примет его за труп простого,

рядового солдата и не тщеславится убитием русского генерала».

Кульнев был росту высокого, почти двух аршин и десяти вершков. Был сухощавым, но ширококостным и немного сутуловатым мужчиною. Волосы имел он темнорусые, с сильною проседью. Он был лица продолговатого, нос имел довольно большой, прямой, с малой горбиною, и носил довольно длинные усы, соединявшиеся с огромными бакенбардами. Я недавно где-то читал, что он носил какой-то черный гусарский ментик или доломан, с черными шароварами. Несправедливо. В Финляндии он носил Гродненского гусарского, а в Турции Белорусского гусарского полка ментик или доломан, смотря по времени года, как все гусары; только одежда его была не офицерская, а рядового гусара, то есть сшитая из толстого солдатского сукна, с гарусными снурками и оловянными пуговицами. Рейтузы носил он форменные офицерские и фуражку также форменную. Правда, что он надевал иногда финский колпак или разного рода скуфьи и ермолки; но то делывал он из балагурства, может быть, из страсти носить что-нибудь странное на голове, ибо однажды он надел на голову и носил до износа подаренный ему мною табачный кисет зеленого сафьяна и шитый золотом. Все это делывал он, однако, на биваке, вне службы, но никогда на службе и перед войском.

Представя Кульнева, каким он был, с его качествами и недостатками, я скажу в заключение, что он менее, может быть, замечателен по военному духу и подвигам своим, чем по коренным чувствам русским и по истинно русскому образу мыслей. Смело можно сказать, что Кульнев был последним чистого русского свойства воином, как Брут — последним римлянином. Другие, не менее его храбрые, не менее его предприимчивые, не менее его алчные к военным приключениям войны оказались рядом с ним, а некоторые еще, от благоприятных обстоятельств, и с бóльшим блеском; но все они по круговращению чувств и мыслей своих принадлежат столько же нашему, сколько чу-

жому небу. Кульнев был нашею родной, нашей неподвижно-русской звездою, как звезда Полярная. Он был таким, как мы представляли себе россиян того времени, когда все их сделки, все обещания, все клятвы их скреплялись одним словом: «*Да будет мне стыдно*» и соблюдались не от страха законов, а от страха упреков собственной совести...

Таков был Кульнев как человек, как гражданин. Память о нем для нас, современников, для нас, друзей и боевых товарищей его, неизгладима и священна...

Обращаюсь теперь к военным действиям.

Во время проезда моего из Гельсингфорса в Абов и из Абова, чрез Вазу, в Гамле-Карлеби Свеаборгская крепость покорилась нашему оружию. Около шести тысяч финских войск распущены были по домам с паспортами. Ошибка, как я уже заметил, причинившая нам много вреда в течение летней кампании и даже при первом отступательном шаге войск наших из Северной Финляндии.

Между тем главнокомандующий граф Буксгевден, не принимая в уважение слабость отрядов наших, действовавших на севере, не переставал посылать им повеления за повелениями об усилении преследования и натисков на Клингспора, которого войска, по мере отступления к Улеаборгу, более и более сосредоточивались и вместе с тем усиливались войсками, приходящими из Швеции. Обстоятельство это предзнаменовало неудачи, ибо вся наша 21-я дивизия оставалась без действия в Абове и в окрестностях Абова, 17-я дивизия или войска, облегавшие Свартгольм и Свеаборг, вступили в эти крепости в качестве гарнизонов, а резервы, подошедшие из России, употреблены были на защиты берегов от десантов, до коих было еще довольно времени. От сего произошло, что между клоком войск действовавшим на севере, и главными силами, оставшимися в Южной Финляндии, было более шестисот верст пространства пустого и без малейшего резерва. Я не критикую, я не рассуждаю, я представляю распоряжение это так, как оно было.

Первого апреля Кульнев занял Калайоки. Третьего, за два часа до рассвета, выступил он к атаке в Иппери, в самый час выступления противу него авангарда неприятельской армии. Пехота наша, состоявшая из трех батальонов и шести орудий, под командою подполковника Карпенки и майоров Вреде и Конского, пошла большою дорогою, тогда как два эскадрона гусар и до двухсот казаков, под командою майора Силина, составлявшие ее левый фланг, шли по льду Ботнического залива, недалеко от берега. Дело завязалось на самом рассвете, и ружейный огонь пехоты загорелся на большой дороге и в лесах, сквозь которые она пролегала. В это время шведские драгуны Ниландского полка, съехав с берега, показались на льду против нашей конницы и двинулись на малую часть казаков, впереди ее рассыпанных. Казацкие фланкеры начали отъезжать и заманивать расстроенную уже от единого движения вперед неприятельскую конницу. Увидя это, Кульнев и я, оставя пехоту, поскакали к нашей коннице, но она, не дождавшись нас, ударила, смяла и опрокинула Ниландских драгун. Мы только что успели насладиться действием казацких пик и погонею казаков за неприятелем по гладкой и снежной пустыне Ботнического залива. Картина оригинальная и прелестная! Много драгун было поколото, много взято в плен.

Но посреди сумятицы этой нам бросилась в глаза группа всадников, около которых более толпилось казаков и которая еще защищалась. Мы направились во весь скок в эту сторону и услышали слова: Кульнев, Кульнев! Спасите нам жизнь! Это был генерал Левенгельм, королевский адъютант, только что за несколько дней пред тем прибывший в армию из Стокгольма для исправления должности начальника главного штаба, и адъютант его капитан Клерфельд — молодой человек, бывший у нас накануне парламентером; при них было несколько драгун. Кульнев остановил направленные на них пики, соскочил с лошади и кинулся обнимать пленных чиновников. Кровь Левенгельма заструилась по усам и бакенбардам Кульнева,

ибо Левенгельм был ранен пикою в горло, к счастию его, не так опасно, как вначале мы вообразили. Преследование продолжалось до села Пигаиоков.

Левенгельмова рана была немедленно перевязана цырюльником отряда нашего, после чего как он, так и адъютант его, ободренные приветствием и ласками Кульнева, отправлены были при конвое к генералу Раевскому, выступившему уже из Вазы к нам на подпору. Во время перехода к Пигаиокам я, для смеху, сочинил мысленно стихи и проговорил их Кульневу. Вот все, что из них помню:

Поведай подвиги усатого героя,
О муза! Расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке явился среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.

Румяный Левенгельм на бой приготовлялся,
И, завязав жабо, прическу поправлял,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора пресмыкался.
О храбрые враги! Куда стремитесь вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.

Наш Кульнев до зари, как сокол, встрепенулся,
Он воинов своих ко славе торопил:
«Вставайте, — говорил, — вставайте, я проснулся!
С охотниками в бой! Бог храбрости и сил!
По чарке, да на конь, без холи и затеев;
Чем ближе, тем видней, [1] тем легче бить злодеев!»
Все в мир воспрянуло, все двинулось вперед...

О муза, расскажи торжественный поход!

. . . .

На другой день мы пошли далее. Почти без сопротивления заняли Брагештадт, но в Ольккиоках встретили неожиданный нами отпор, впрочем недолго продолжавшийся.

---

[1] Приказ Кульнева накануне нападения, которого начало назначено было за два часа до рассвета.

Напрасно было бы напоминать Кульневу об осторожности и неослабности в надзоре его за бдительностью передовой стражи относительно нечаянного нападения на отряд наш. Этого было не нужно. Деятельность, неусыпность и строгость Кульнева в сем отношении были неограниченны. Но необходимо было разочаровать его от уверенности, что отступление Клингспора продолжится до бесконечности, и удостоверить его, что отступление это происходит от стратегических видов, то есть от соединения всех шведских и финских войск у Улеаборга, а не от страха, поселенного в него залетною и опрометчивою погонею нашею. Я взял на себя обязанность вывесть Кульнева из заблуждения, спорил с ним до изнеможения, почти до ссоры, и все тщетно. Он забыл, что по мере отлива финских войск к Улеаборгу, — к этому узлу или застежке всех дорог Финляндии, — все финские войска, идущие по ним, сами собою и единым направлением своим сосредоточиваются у этого города. Он забыл, что вместе с тем клоки войск его и Раевского, оторванные от наших главных сил, оставшихся на северном берегу Финского залива, подвигаются к тому же Улеаборгу без опоры и надежды на усиление себя свежими войсками. Не принимая ничего этого в уважение, он, в чаду успехов своих, шел вперед без оглядки.

Шестого апреля отряд наш наткнулся снова на неприятеля. Это было у Сигаиокской кирхи. Он занимал позицию, которой, казалось, не хотел уступить даром. Мы атаковали живо. Начальные натиски были успешны, и финский арьергард снимался уже с позиции, чтобы следовать за отступавшими главными силами. Вдруг Клингспор переменяет мысль, останавливает отступление и возвращает почти половину армии своей на подпору арьергарда. Огонь возобновляется с сильнейшею яростию. Финские войска, под огнем десяти своих орудий, строятся в колонны, наклоняют штыки и бросаются нам навстречу. Кульнев и дух войск наших, возвышенный успехами, продолжавшимися до этого дня непрерывно, приветствуют неприятеля по долгу и чести. Огневое дело обращает-

ся в штыковую резню. Финны и шведы в этом роде битв достойные состязатели русских. Схватка была молодецкая, но превосходство численной силы неприятеля над нашею восторжествовало и должно было восторжествовать. Мы уступили место сражения. Урон с обеих сторон простирался до тысячи человек. Со стороны нашей был убит 24-го егерского полка майор Конский; со стороны неприятеля — полковник Флеминг. Кульнева бог спас: ядро пролетело так близко, что импетом своим обожгло ему ногу.

На другой день Клингспор оставил приобретенное им место сражения и сосредоточился между Лиминго и Люмиоки. Мы немедленно вступили в Сигаиоки. Между тем генерал Раевский не переставал итти вслед за нами и остановился в Пигаиоках, где соединился с 5-ю пехотною дивизиею, пришедшею из Куопио и заключавшею в себе не более трех тысяч человек. Одна из бригад этой дивизии, под командою генерала Булатова, состоявшая из двух тысяч человек, оставлена была на пути, лежащем из Куопио в Улеаборг, для преследования отступавшей к этому городу неприятельской бригады Кронштадта.

Генерал-лейтенант Тучков 1-й командовал 5-ю дивизиею и, по старшинству над Раевским, принял начальство над всеми войсками, действовавшими в Северной Финляндии, коих числительная сила не превышала семи тысяч человек.

Кульнев, наказанный поражением под Сигаиоками за опрометчивость свою, обратился к благоразумию. Мы остались в Сигаиоках, соблюдая всевозможную воинскую осторожность, но ничего уже не предпринимая вооруженною рукою и поджидая Булатова, коему предписано было от Тучкова сойти с большой Куопиосской дороги у Францила, чтобы итти к Револаку — деревне, отстоящей от Сигаиоков не далее восьми или десяти верст.

Но так как Кульнев не мог долго оставаться в бездействии, то 12 апреля он послал меня с одним эскадроном гусар и одной сотней казаков на остров Карлое. Этот ост-

ров лежит в десяти или пятнадцати верстах от берега, почти против самого Улеаборга. Мне предписано было выгнать оттуда неприятеля, но ничего не предпринимать более, чтобы не навлечь на себя войск из неприятельского авангарда, на фланге и почти в тылу которого находился этот остров. Я пришел в Карлое на рассвете и застал там несколько фуражиров с слабым прикрытием. Бой наш продолжался недолго. Несколько неприятельских всадников было побито; несколько было взято в плен; остальные спаслись бегством едва при первом обзоре приближавшейся к острову моей команды. В течение дня я благополучно прибыл к отряду, из коего был послан.

Того же числа, то есть 12 апреля, Булатов вступил в Револакс, и около того же времени войска Тучкова и Раевского подвинулись к Брегештадту.

ВОСПОМИНАНИЕ О СРАЖЕНИИ ПРИ ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ

1807 года января 25-го и 27-го

Посвящается Алексею Петровичу Ермолову

Дела минувших лет...

Оссиан

I

Сражение при Прейсиш-Эйлау почти свеяно с памяти современников бурею Бородинского сражения, и потому многие дают преимущество последнему перед первым. Поистине, предмет спора оружия под Бородиным был возвышеннее, величественнее, более хватался за сердце русское, чем спор оружия под Эйлау; под Бородиным дело шло — *быть* или *не быть* России. Это сражение — наше собственное, наше родное сражение. В эту священную лотерею мы были вкладчиками всего нераздельного с нашим политическим существованием: всей нашей прошедшей славы, всей нашей настоящей народной чести, народной гордости, величия имени русского, — всего нашего будущего предназначения. Предмет спора оружия под Эйлау представлялся с иной точки зрения. Правда, что он был кровавым предисловием Наполеона вторжения в Россию, но кто тогда видел это? Несколько избранных природою, более других одаренных проницательностию; большей же части из нас он оказался усилием, чуждым существенных польз в России, единым спором в щегольстве военной славы обеих сражавшихся армий, окончательным закладом: чья возьмет, и *понтировкою* на удальство, в надежде на рукоплескание зрителей, с полным еще бумажником, с полным еще кошельком в кармане, а не игрою на последний приют, на последний кусок хлеба, и на *пулю*

в *лоб* при проигрыше, как то было под Бородиным.

Итак, не оспаривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинской битвою, нельзя однакож не сознаться в превосходстве над нею Эйлавской относительно кровопролития. Первая, превышая последнюю восемьюдесятью тысячами человек и с лишком шестьюстами жерлами артиллерии, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесенного сражавшимися. Этому причиною род оружия, чаще другого употребленного под Эйлау. В Бородинской битве главным действовавшим оружием было огнестрельное, в Эйлавской — рукопашное. В последней штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта. Ни в каком почти сражении подобных свалок пехоты и конницы не было видно, хотя, впрочем, свалки эти не мешали содействию им ружейной и пушечной грозы, с обеих сторон гремящей и, право, достаточной, чтобы заглушать призывы честолюбия в душе самого ярого честолюбца.

Мне было тогда немного более двадцати лет; я кипел жизнью, следственно, и любовью к случайностям. К тому же жребий мой был брошен, предмет указан и солдатским воспитанием моим, и непреклонною волею итти боевою стезей, и неутомимою душою, страстною ко всякого рода отваге и порывавшеюся на всякие опасности; но, право, не раз в этом двухсуточном бое проклятая Тибуллова элегия «*О блаженстве домоседа*» приходила мне в голову. Чорт знает, какие тучи ядр пролетали, гудели, сыпались, прыгали вокруг меня, рыли по всем направлениям сомкнутые громады войск наших, и какие тучи гранат лопались над головою моею и под ногами моими! То был широкий ураган смерти, все вдребезги ломавший и стиравший с лица земли все, что ни попадало под его сокрушительное дыхание, продолжавшееся от полудня 26-го до одиннадцати часов вечера 27-го числа и пересеченное только тишиною и безмолвием ночи, разделившей его свирепствование на два восстания.

Таково было действие и огнестрельного оружия в Эйлав-

ском сражении. Но и в этом, как и во всех сражениях, оно производило более шуму, чем гибели, более потрясало нервную систему и воображение человека, чем достигало цели всякого оружия: вернейшего и скорейшего истребления противников. В этом отношении огнестрельные действия далеко уступают рукопашным схваткам, где удары даром не расточаются; падая на предметы, находящиеся под самым лезвием и потому не требующие, подобно огнестрельному оружию, прицелов издали, производящих удары неверные, гадательные, вредящие более количеством, чем собственным своим достоинством.

Чтобы вполне обнять положение обеих армий, сражавшихся в сей знаменитой битве, надо взять свыше.

При обозрении театра войны того времени мы видим, что он граничил к северу с Фриш-Гафским и Куриш-Гафским заливами, или с частью Балтийского моря; к югу — с Австрийскою Галициею, землею тогда нейтральною,[1] к западу — с Вислою, а к востоку — с Неманом, границею России, что составляло около трехсот верст длиннику и до двухсот верст поперечнику. На этом тесном пространстве необходимо было обеим армиям избегать смежности и с Галициею и с морем, чтобы не быть опрокинутою противною армиею или в море, или в пределы нейтрального государства. Уважение это решило генерала Беннигсена оставить Пултуск и перенести действие в Старую Пруссию. Малейшая медленность в сем случае угрожала нам неотразимым бедствием, потому что главные силы французов находились тогда не против Пултуска, а в направлении от Цеханова к Макову. Чрезвычайная ростепель воспретила Наполеону достичь до избранной им цели и способствовала нам совершить перемещение наше чрез Остроленку, Тикочин, Биалу, Щучин и Рейн.

На сем окружном марше главнокомандующий наш —

---

[1] Часть Австрийской Галиции, граничившая с театром военных действий, шла тогда от Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги, потом склонялась вправо к Сироцку, продолжая итти по левому берегу Буга, мимо Брок, Бреста и далее до Хотина.

генерал Беннигсен, оставя корпус Эссена 1-го в Высоко-Мазовецке, а дивизию Седморацкого в Ганиендзе, Иоаганнисбурге и Николайкине для связи Эссена с главными силами армии, двинулся с ними к Бартенштейну.

В то время расположение французской армии было следующее:

гвардия, 12 тысяч, в Варшаве;

корпус Ланна, 23 тысячи, между Брок и Остроленки, против Эссена 1-го;

корпус Даву, 34 тысячи, в Мишеницах;

корпус Сульта, 30 тысяч, в Villенберге;

корпус Ожеро, 11 тысяч, в Нейденбурге;

резервный кавалерийский корпус, 20 тысяч, под командою Мюрата, в окрестностях Вилленберга;

корпус Бернадота, 17 тысяч, почти вне круга боевых происшествий, в Эльбинге.

Все эти войска размещались уже по кантонир-квартирам; только корпус Нея, состоявший из 22 тысяч человек пехоты и кавалерии Бессиера, преследовал прусский корпус Лестока вниз по Аллеру, в направлении к Фридланду, и чрез это находился почти на пути, по которому следовала наша армия.

Беннигсен узнал о сем залетном положении Нея в Рейне. Пользуясь бездействием французской армии, он вознамерился отрезать и истребить этот корпус на походе. Все наши силы обратились на Рессель и Бишофштейн. К несчастью, исполнение не соответствовало достоинству плана. Переходы были медленны, к тому же и направление было не довольно наперерез, что дозволило Нею и Бессиеру пробраться чрез Прейсиш-Эйлау, а потом между Пассаргою и Аллером к Гильгенбергу и беспрепятственно примкнуть к массе своей армии.

Между тем Бернадот, узнав о предприятии нашем на Нея и Бессиера, постиг опасность, которой подверг бы себя дальнейшим пребыванием на берегу моря и между крепостями Данцигом и Грауденцом, тогда еще занятыми прусскими войсками. Оставя окрестности Эльбинга, он

двинулся в Голланд и, вступив в Морунген, подвинул авангард свой к Либштадту.

В это время армия наша, прошедши Гейльсберг, подошла к Аренсдорфу, а авангард ее, под командою генерал-майора Маркова, атаковал Либштадт.

Неприятельский авангард отступил с уроном. Марков следовал за ним и атаковал самого Бернадота в Морунгене, но понес от него значительное поражение и принужден был отойти к главной армии, прибывшей в Либштадт.

Тут надлежало нам прекратить дальнейшее наступление, потому что, перейдя уже черту расположения главных неприятельских сил, оставшихся между Омулевы и Наревы, оно подвергало нас потере сообщений наших с дивизиею Седморацкого, с корпусом Эссена 1-го и, что всего важнее, с нашей границей и заключало действие наше между Фриш-Гафским заливом, Вислою и французскою армиею, в случае вступления ее на пройденные нами пути. Но, невзирая ни на что, в намерении отвлечь Бернадота от главной французской армии и вместе с тем освободить Грауденц от блокады, мы продолжали подвигаться в бездну гибели, преследуя Бернадота, отступавшего на Дейч-Эйлау и Стразбург к Торну. Уже главная квартира была около Любемиля; в Ризенбург вступил прусский корпус Лестока; в Дейч-Эйлау — авангард князя П. И. Багратиона [1], а аванпосты его под командою полковника Юрковского, — в Стразбург. Однако какое-то неопределенное чувство тревожило Беннигсена насчет соотносительного положения нашего с главными силами Наполеона. Чтобы сколько-нибудь исправить оное защитою затыльных сообщений наших, главнокомандующий счел необходимым оставить корпус Сакена в Зебурге и корпус князя Голицына [2] в Алленштейне, и таковым полумероприятием только что прибавил протя-

---

[1] Князь Багратион прибыл в армию из Петербурга и немедленно принял начальство над главным авангардом.

[2] Дмитрия Владимировича.

жение армии, подвергнув Сакена и Голицына натиску превосходного числом неприятеля и нимало не улучшив положения главной армии, направленной к ложному предмету действия. Но русский бог велик! Вдруг аванпостные казаки авангарда берут в плен французского офицера, посланного курьером от маршала Бертье к Бернадоту с наполеоновым приказанием напирать на армию нашу и не выпускать ее из виду, и между тем с извещением его о движении всех французских сил на Виллепберг, Пассенгейм и Алленштейн. Багратион мгновенно проник опасность. Он в ту же минуту отослал и пленного курьера и перехваченную бумагу к Беннигсену и, не дожидая дальнейшего повеления от него, сам собою обратил авангард вспять и пустился на соединение с армиею усиленными переходами. Однако, предвидя неминуемость генерального сражения, он, в намерении обессилить неприятельскую армию целым корпусом войск, не забыл и о Бернадоте; он приказал Юрковскому атаковать его аванпосты, сбить их и преследовать целый день, дабы чрез то уверить его, что намерение наше теснить его всеми силами не изменилось и продолжится. Приказание Юрковскому заключалось постскриптом, в котором предписано ему было обратное движение при наступлении ночи и поспешнейшее следование для примкнутия к авангарду по приложенному маршруту.

Предприятие это увенчалось желаемым успехом. Бернадот, не получив повеления Наполеона, перехваченного казаками, остался в неведении о направлении главных сил французов в тыл нашей армии, угрожавшей ей такою гибелью. К тому же он полагал, что натиск Юрковского поддерживается всем авангардом, а авангард следовал за всей нашей армией и продолжал отступление к Торну, что отсрочило прибытие его на Эйлавское поле сражения несколькими сутками.

Юрковский примкнул к авангарду несколькими часами позже присоединения оного к армии под Янковым; но прусский корпус Лестока, быв от Янкова гораздо отда-

леннее Багратиона, не мог уже надеяться достигнуть до сего пункта безопасности и потому избрал путь на Саальфельд, Вормдит и Мельзак, стараясь всегда находиться на одной высоте с нею по мере отступления армии.

Двадцать второго января наш авангард застал всю армию, сосредоточенную при Янкове, лицом к лицу с французскою армиею, полагавшей янковский путь занятым одним корпусом князя Голицына и изумленною неожиданною встречею всех сил наших, готовых к отпору ее натисков, ибо известие о взятии казаками посланного Бернадоту курьера тогда еще не дошло до Наполеона. Обманутый в стратегическом предприятии своем, он вознамерился посредством тактического действия на наш левый фланг возвратить потерянное, поставя армию нашу в то самое положение, которого избегла она быстрым перелетом от Дейч-Эйлау к Янкову. Вследствие чего Сульт атаковал Бергфрид, деревню, к коей примыкал левый фланг наш, а генерал Гюо поскакал с бригадою легкой кавалерии к Гутштадту. Мы отстояли Бергфрид; но Гутштадт, заключавший часть обозов армии без охранных войск, попался в руки французов — партизанский набег, замечательный при общем тогдашнем неведении правил этого рода действий.

II

При наступлении ночи армия наша отошла к Вольфсдорфу, оставя для прикрытия сего отступления арьергард генерал-майора Барклая-де-Толли на оставленном ею месте.

Поутру 23-го Барклай поднялся вслед за армиею, но на пути был атакован превосходными силами, целый день сражался, потерял много особенно при Деппене, но к вечеру примкнул к армии, стоявшей уже на боевой позиции при Вольфсдорфе. Ночью армия снялась с позиции и потянулась по направлению к Ландсбергу. Арьергард Багратиона сменил утомленный накануне арьергард Барклая и остался при Вольфсдорфе для того же предмета,

для которого оставлен был накануне арьергард Барклая при Янкове.

24-го, поутру, Багратион атакован был наступавшим неприятелем. Битва была горячая, но, несмотря на усилия французов, щегольство в порядке сохранено было во всех частях арьергарда. К вечеру он потянулся вслед за армиею, направляясь чрез Толбаш и Кашауэн, и прибыл в Бергерсвальд, в трех верстах от Фрауэндорфа, где на несколько часов приостановилась главная армия. В этот день прусский корпус Лестока, шедший на одной высоте с арьергардом нашим по направлению на Вормдит, атакован был корпусом Нея, отряженным исключительно против него от главной французской армии на походе ее из Янкова к Вольфсдорфу. В одно и то же время отряжен был от этой же армии и корпус Даву на Гейльсберг; это было сделано в видах облегчения шествия войск по тесной от снегов дороге, причинявшей чрезмерное растягивание маршевой колонне.

В ночь на 25-е армия наша выступила к Ландсбергу, но не одною уже, а двумя колоннами, для избежания, подобно французской армии, затруднения в движении одною колонною по пути, заваленному снегами. 1-я колонна потянулась большою дорогою; 2-я, под начальством Сакена, на Спервартен в Петерсгаген; арьергард Барклая прикрывал отступление первой; арьергард Багратиона шел на Клаузитен, Паулен и Попертен в Ландсберг, где примкнул к армии почти в одно время с Барклаем, который на пути своем под Гофом понес сильное поражение.

Бросив взгляд на карту, мы увидим, что направление сего трехсуточного нашего отступления нимало не перечило основной мысли Наполеона отрезать нас от сообщения наших с Неманом, или, что одно и то же, с Россиею, и подавить нас тылом к морю, то есть к Фриш-Гафскому заливу. В противодействие этой мысли, к чему должны были клониться усилия наши в течение сего трехсуточного отступления? К сохранению сообщений с Неманом посредством движения всею громадой войск наших от

Янкова к Гутштадту, вместо того, чтобы итти нам к Вольфсдорфу; или от Вольфсдорфа к Гейлсьбергу, вместо того чтобы итти нам к Ландсбергу; или от Ландсберга к Жомнау и Фридланду, вместо того чтобы итти нам к Прейсиш-Эйлау. Таким движением мы неминуемо нарушили бы все намерения Наполеона, ибо, избавясь посредством его от охвата левого нашего фланга правым флангом французской армии, мы тем заслонили бы сообщения наши с Россиею и удалились бы от Фриш-Гафского залива, к которому более и более приближался тыл наш, по мере отступления и направления нашего к Эйлау и Кенигсбергу.

Но стратегические виды решительно пожертвованы были каким-то мнимым тактическим выгодам, основанным на ложном мнении, что войску русскому столько же необходимо для битвы местоположение открытое, сколько французскому закрытое или изобилующее естественными препятствиями, и что, сверх того, *войску нашему от малого навыка его к стройным движениям в боях, выгоднее оборонительное, чем наступательное действие*; как будто за семь лет перед тем при Суворове оно знало не только сущность, а даже название сего рода действия! Как будто бы Альпы, с их ущелиями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежат более равнинам, чем закрытым и изобилующим естественными препятствиями местностям!

Но таково было рассуждение всех вообще военачальников того времени, и на сем-то рассуждении основана была мысль *на открытом местоположении при Эйлау сразиться оборонительно*.

Между тем Наполеон, не зная, что Беннигсен избрал Эйлау полем битвы, и привыкнув трехдневным опытом достигать нашу армию под вечер и видеть уходящею с занятой позиции во время ночи, предполагал Прегель и кантонир-квартиры за Прегелем единственными предметами нашего отступления. Ни в каком случае не думал он и не мог думать, чтобы сражение ожидало его под Эйлау — на пункте, не представляющем не токмо стратегического,

но даже тактического преимущества перед Янковым, Вольфсдорфом и Ландсбергом, оставленными нами без спора оружия. С этою мыслью он следовал за ними по большой дороге, имея в двенадцати или двадцати пяти верстах от главных сил своих — вправо Даву на Гейльсбергской дороге, а влево, верстах в двадцати, Нея, преследовавшего прусский корпус Лестока в направлении к Крейцбургу, и на несколько суток позади себя Бернадота, неизвестного о происходящем.

Ночью на 26-е армия наша выступила от Ландсберга и, по неимению двойного пути, довольно битого и широкого, потянулась к Эйлау одною колонною. Арьергард Багратиона оставлен был в Ландсберге для прикрытия этого движения. По случаю мешкотного выступления армии с места ночлега и медленности ее в движении одною колонною Багратион принужден был отсрочить отступление арьергарда до восьмого часа утра. В восьмом часу неприятельские колонны двинулись, спустились со снежных высот Гофа и, подобно широкому потоку, расстлались по всему пространству от Гофа до Ландсберга. Бой завязался. Мы отступали, теснимые и давимые превосходством сил. Не дошедши до половины расстояния от Ландсберга до Эйлау, весь арьергард уже вступил в дело. Подошло местоположение открытое: нужно было более кавалерии. Багратион послал меня к главнокомандующему просить у него несколько конных полков на подкрепление арьергарда. Беннигсен приказал мне взять два первые конные полка, которые я встречу на пути не дошедшими еще до позиции. Жребий пал, кажется, на С.-Петербургский драгунский и Литовский уланский полки, с которыми я рысью отправился чрез Эйлау к арьергарду, подошедшему уже к мызе Грингофшен. Кирасирский его величества и два драгунские полки, Каргопольский и Ингерманландский, присланы были вслед за конницей, мною приведенной.

Между тем неприятель продолжал напирать сильнее и сильнее. Арьергард отступал в порядке и без волнения.

Несколько полков 8-й пехотной дивизии подошли к нему на подмогу; ибо не все еще войска вступили на избранное для них боевое поле и вся батарейная артиллерия была на походе проселочною дорогою, вправо от армии. Необходимо было удержать стремление неприятеля, чтобы дать время и батарейной артиллерии примкнуть к армии и армии довершить свое размещение и упрочить оседлость позиции. Возвратясь к Багратиону, я нашел его, осыпаемого ядрами и картечами, дававшего приказания с геройским величием и очаровательным хлоднокровием. Вскоре сражавшиеся с обеих сторон столкнулись, потому что Багратион, получа подкрепление и вместе с тем известие о неготовности еще армии к бою, остановился, а Наполеон, считая на беспрерывное отступление Багратиона, продолжал прилив своей армии, напирая волнами на волны. Ружейный огонь трещал по всей линии и не раз прерываем был звуками железа об железо. Полтавский и Софийский пехотные полки ходили на штыки с успехом на 46-й линейный. С.-Петербургский драгунский полк, ведомый полковником Дехтяревым, ударил на 18-й линейный, который шел от Грингофшена между озером и холмом, находящимся возле мызы, затоптал этот полк, рассеял его и взял одного орла. Полковник Ермолов, командовавший всею артиллериею арьергарда, сыпал картечи в густоту наступавших колонн, коих передние ряды ложились лоском; но следующие шагали по трупам их и валили вперед, не укрощаясь ни в отваге, ни в наглости.

Несмотря на все наши усилия удержать место боя, арьергард оттеснен был к городу, занятому войсками Барклая, и ружейный огонь из передних домов и заборов побежал по всему его протяжению нам на-подмогу, но тщетно! Неприятель, усиля решительный натиск свой свежими громадами войск, вломился внутрь Эйлау. Сверкнули выстрелы его из-за углов, из окон и с крыш домов; пули посыпались градом, и ядра занизали стеснившуюся в улицах пехоту нашу, еще раз ощетинившуюся штыками. Эйлау более и более наполнялся неприятелем. Приходи-

лось уступить ему эти каменные дефилеи, столько для нас необходимые. Уже Барклай пал, жестоко раненный; множество штаб- и обер-офицеров подверглись той же участи или были убиты, и улицы завалились мертвыми телами нашей пехоты. Багратион, которого неприятель теснил так упорно, так неотступно, числом столь несоизмеримым с его силами, начал оставлять Эйлау шаг за шагом. При выходе из города к стороне позиции он встретил главнокомандующего, который, подкрепя его полною пехотною дивизиею, приказал ему снова овладеть городом во что бы то ни стало, потому что обладание им входило в состав тактических его предначертаний. И подлинно, независимо от других уважений, город находился только в семистах шагах от правого фланга боевой нашей линии. Багратион безмолвно слез с лошади, стал во главе передовой колонны и повел ее обратно к Эйлау. Все другие колонны пошли за ним спокойно и без шума, но при вступлении в улицы все заревело «ура», ударило в штыки — и мы снова овладели Эйлау. Ночь прекратила битву. Город остался за нами.

Заняв его достаточным числом пехоты, Багратион снабдил начальствовавшего над нею приказаниями и наставлениями, распустил прочие войска арьергарда по местам, назначенным им в диспозиции, и, *не имев уже команды*, отправился в главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапен, в трех верстах от Эйлау, в тылу нашей линии.

Пожар костров запылал в обеих армиях. Казалось, что все кончено до следующего утра. Вышло иначе. Взятие приступом города произвело то, что производит всякий удачный приступ: разброд по улицам и по домам большой части войска, которое предалось своевольству и безначалию. Надлежало собрать и устроить его. Начальствовавший над ним прибег к единственному в таких случаях способу — к барабану; но он забыл, что находится лицом к лицу с неприятелем, которого бивачные огни пылали почти у ворот города, и недостаточно обдумал дело. Он

приказал *ударить сбор*, не назначив даже места, где его ударить. Барабаны загремели, но в стороне города, не ближайшей к неприятелю, а самой отдаленной от него или, лучше сказать, у самого отверстия улиц, ведущих из города к позиции нашей армии. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, как все хлынуло к точке сбора, оставя и ворота, и площадь, и улицы без защиты. Неприятель этим воспользовался, вступил по пятам нашим в пустой город и расположился с полною решимостию удержать его за собою во что бы то ни стало.

Неожиданное и, можно сказать, несчастное происшествие это, угрожая правому флангу нашему внезапным ночным нападением, принудило Беннигсена исключить на всю ночь из боевого порядка всю 4-ю пехотную дивизию, усилить ее Архангелогородским пехотным полком и расположить между армиею и городом и, сверх того, передвинуть ближе к отверстиям улиц батарею из сорока батарейных и двадцати легких орудий, заложенную прежде на самой оконечности правого фланга армии. Но тем не ограничилась неблагоприятность этого обстоятельства: оно лишило нас на другой день средства, за пять еще часов до прибытия корпуса Даву на поле сражения, двинуть все наши силы на правый фланг французской армии, бывшей тогда без этого корпуса, без корпуса Бернадота, лишенной всяких опор флангам своим и расположенной за городом, на оси которого мы безопасно могли предпринять этот решительный поворот вправо и воспользоваться превосходством и сил наших и местности. Наконец, оно перенесло на сторону неприятельской армии все выгоды, предоставляемые опорою на Эйлау, на оси коего она уже, а не наша армия, совершила на другой день поворот влево, примкнула к подходившему на поле сражения корпусу Даву и, охватя им весь левый фланг наш, подавила его к Кенигсбергской дороге и тем исполнила виды Наполеона, которые с самого начала движения от Наровы клонились к тому, чтобы отстранить нас от последнего пря-

мого сообщения с Россиею, отбросить к Кенигсбергу и к Фриш-Гафскому заливу. Словом, по занятии неприятелем Эйлау, нам ни минуты не следовало оставаться на избранном нами боевом поле и надлежало немедленно отойти к Домнау или Фридланду. Перемещение безопасное по случаю свободного в этом направлении отверстия, еще не пересеченного корпусом Даву, и ночи, которой оставалось более чем на семь часов времени, следовательно, по крайней мере на двадцать верст переходу. Но воля главнокомандующего была непоколебима: жребий был брошен.

III

Армия наша, заключавшая в себе от семидесяти восьми до восьмидесяти тысяч, размещена была так.

Она примыкала правым флангом к большой Кенигсбергской дороге у селения Шлодитена и шла несколько косвенно к городу; потом, не доходя около полуверсты до города, образовала тупой угол и упиралась левым флангом к Клейн-Саусгартену.

Деревня Серпальтен, находившаяся впереди Саусгартена, занята была слабым отрядом генерал-майора Багговута.

Пять пехотных дивизий: 2, 3, 5, 7 и 8-я построены были в две линии; два батальона каждого полка развернутым фронтом; третий позади их в колонне; при них было более двухсот орудий.

Резерв, состоявший из двух дивизий, 4-й и 14-й, построен был в две густые колонны и имел при себе шестьдесят орудий конной артиллерии. Вначале он расположен был по обеим сторонам мызы Ауклапен; но при рассвете переведен был ближе к центру армии.

Вся конница разделена была на три части и расставлена на флангах и в средине армии, где находилось не более двадцати восьми эскадронов; казацкие полки расположены были на обоих флангах уступами.

Независимо от артиллерии, размещенной вдоль линии и находившейся при резерве, 1-я батарея из сорока батарейных и двадцати легких орудий заложена была вначале на правом фланге армии, у Кенигсбергской дороги, а по занятии неприятелем города подвинута на семьсот шагов от него; 2-я батарея из семидесяти батарейных орудий расположена была почти на центре армии, в версте от города, и 3-я из сорока батарейных — между сею батареею и Саусгартеном. Ко всем трем батареям примыкали войска первой нашей линии, как куртины к бастионам.

Прусский корпус Лестока, усиленный русским Выборгским пехотным полком и простиравшийся почти до восьми тысяч человек, был еще далеко, но направлялся к Альторфу, то есть к правому флангу нашей позиции, заманивая одною бригадою, командуемой генералом Плоцом, Нея к Крейцбургу для отвлечения его от круга решительных происшествий и от содействия его в приготовлявшемся бое.

Правым флангом командовал генерал-лейтенант Тучков 1-й; срединою — генерал-лейтенант Сакен; левым флангом—генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой; резервом — генерал-лейтенант Дохтуров; всею кавалериею— генерал-лейтенант князь Голицын; артиллериею — генерал-лейтенант Резвой. Багратион, который был всех моложе в чине генерал-лейтенанта, не имел особой команды и назначен был к Дохтурову.

Французская армия в ночь с 26-го на 27-е расположена была в следующем порядке:

у передовых строений города и в городе — пехотная дивизия Легранда;

на правой стороне города — пехотная бригада Вивиена, на левой — пехотная бригада Форе (обе составляли пехотную дивизию Леваля);

к правому флангу бригады Вивиена примыкала пехотная дивизия Сент-Илера.

Все три дивизии составляли корпус Сульта.

На правом фланге дивизии Сент-Илера, уступом, — драгунская дивизия Мильо;

за городом, по обеим сторонам Ландсбергской дороги, находились драгунские дивизии Клейна и Груши;

уступом от их левого фланга, позади пехотной бригады Форе, — гвардейская кавалерийская дивизия;

на левом ее фланге, выступом, — легкие кавалерийские бригады Кольберта, Гюо и Брюера, а уступом — кирасирская дивизия Гопульта;

легкая кавалерийская бригада Дюронеля — на оконечности левого фланга всей армии, между ею и селением Альторф;

позади кирасир Гопульта, на дороге от Эйлау к селению Тробенену, — пехотный корпус Ожеро;

пешая гвардия Наполеона и его собственный бивак — на холме между Эйлау и мызою Грингофшен;

пехотный корпус Даву — верстах в двадцати от армии, на Вартенштейнской дороге;

пехотный корпус Нея — на Мельзакской дороге к Пинтену, около селения Гусенен, верстах в двадцати пяти от армии;

пехотный корпус Бернадота — на несколько суток позади армии.

Местоположение занимаемой нами позиции представляло слегка холмистую равнину, примыкающую левой стороною к легким возвышениям, господствующим над нашим левым флангом, положение которого столь опасно было и в стратегическом отношении. Снег покрывал землю; это затрудняло перемещение артиллерии, а оледенелые и покрытые снегом небольшие озера, рассеянные по полю сражения, были весьма обманчивы, представляя плоскости, повидимому удобные, но в существе своем опасные для движения артиллерии. Болота были еще непроходимы даже и для пехоты! Лес из кустарников находился между селениями Саусгартеном, Куштеком и мызой Ауклапеном. Погода была вообще ясная, хотя нередко отемняемая скоропостижными и пролетными появлениями густого снега. Стужа легкая, не превышавшая трех или четырех градусов.

С утренним полусветом армия поднялась и стала в ружье. Еще костры курились на месте ночлега между войсками, которые черными полосами рассекали белое, незапятнанное поле будущего сражения; еще нигде изнутри их не сверкнуло ни одного выстрела; только видно было некоторое волнение в линиях и колоннах, приходивших в окончательный порядок; 4-я пехотная дивизия и Архангелогородский полк возвратились на свое место, в состав главного резерва армии. Ободняло, и со светом дня грянула шестидесятипушечная батарея нашего правого фланга. Часть неприятельской артиллерии, ночевавшей позади передних строений города, выдвинулась из-за них и отвечала на вызов, — и Наполеон увидел собственными глазами, что дело уже идет к битве не с арьергардом, как он думал, а со всею нашею армиею. Не может быть, чтобы в эту минуту великий полководец не упрекнул себя в удалении корпусов Нея и Даву на такое расстояние от армии, на каком они тогда находились, и не подосадовал на судьбу, лишившую его в такой решительной день содействия корпуса Бернадота. Обстоятельство это не прошло бы ему даром за семь лет прежде, когда Суворов был еще на коне пред русскими знаменами. Но оттого, что уже не было Суворова, нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не без замечательных достоинств по многим отношениям. Гонцы полетели к Даву и к Нею с приказаниями немедленно обратиться им к Эйлау.

Между тем жестокая канонада гремела вокруг города, и главные силы французской армии начали размещаться. Легкие кавалерийские бригады Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались влево от Эйлау. Пехотная дивизия Леваля, соединив все три бригады, расположилась левым флангом к этим легкоконным бригадам, а правым — к городу. Пехотная дивизия Легранда выдвинулась вперед города и примкнула к правому флангу Леваля. Корпус Ожеро построился в две линии: дивизия Дежардена составила первую, а дивизия Гюдле вторую линию. Обе эти дивизии примкнули левые свои фланги к церкви, находя-

щейся у оконечности города, где находился Наполеон во все время сражения.

За Ожеро расположилась кирасирская дивизия Гопульта, примыкая слева к пешей гвардии, стоявшей позади церкви за возвышением. За Гопультом стала конная гвардия, а вправо, на одной с ним линии, драгунская дивизия Груши. Дивизия Сент-Илера (от корпуса Сульта) примкнула к правому флангу первой линии Ожеро, заслоня собою драгунскую дивизию Клейна, и составила оконечность всей армии.

Канонада с обеих сторон загоралась по мере развития французской армии параллельно нашей. Она сделалась общею, но все гремела с большею силой около города, нежели на других пунктах; с нашей стороны потому, что мы посредством ее старались воспретить дивизиям Легранда и Леваля нападение на наш правый фланг, а с неприятельской — для привлечения внимания нашего более на наш правый, чем на левый фланг, и для облегчения чрез то усилия Даву, коего прибытие на оконечность оного долженствовало решить участь сражения.

Уже огонь из нескольких сот орудий продолжался около трех часов сряду, но ничего замечательного не происходило ни с неприятельской, ни с нашей стороны.

Получив известие о незамедлительном прибытии корпуса Даву, коему велено было при направлении его к армии принять вправо от Бартенштейнской дороги, на которую он перешел с Гейльсбергской, Наполеон приказал всему центру главной армии двинуться вправо же, для связи действия своего с действием Даву. Войска двинулись; но в самую эту минуту закрутилась метель с густым снегом, так что в двух шагах ничего не было видно. Корпус Ожеро потерял дирекцию и, отделяясь от дивизии Сент-Илера и всей кавалерии, предстал, неожиданно и для нас и для себя, пред центральною батареею нашею в самую минуту прояснения погоды. Семьдесят жерл рыгнули адом, и град картечи зазвенел по железу ружей, застучал по живой громаде костей и мяса. В одно мгнове-

ние Московский гренадерский, Шлиссельбургский пехотный и пехотная бригада генерала Сомова, склоняя штыки, ринулись на него с жадностию. Французы всколыхнулись; но, ободрясь, они подставили штыки штыкам и стали грудью.

Произошла схватка, дотоле невиданная. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранное острие друг в друга. Толпы валились. Я был очевидным свидетелем этого гомерического побоища и скажу поистине, что в продолжение шестнадцати кампаний моей службы, в продолжение всей эпохи войн наполеоновских, справедливо наименованной эпопеею нашего века, я подобного побоища не видывал! Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в средине, ни вокруг его: слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мертвых тел сыпались свежими грудами; люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парапету вдруг воздвигнутого укрепления. Наконец *наша взяла*!

Корпус Ожеро был опрокинут и жарко преследован нашею пехотою и прискакавшим генерал-лейтенантом князем Голицыным с центральной конницей на подпору пехоты. Задор достиг до невероятия: один из наших баталъонов, в пылу погони, занесся за неприятельскую позицию и явился у церкви, в ста шагах от самого Наполеона; об этом упомянуто самими французами во всех описаниях войн того времени. Минута была критическая. Наполеон, коего решительность умножалась по мере умножения опасности, приказал Мюрату и Бессьеру с тремя дивизиями Гопульта, Клейна и Груши и с конною гвардиею ударить на гнавшиеся при криках «ура» войска наши. Движение необходимое для спасения хоть части сего корпуса, и притом для предупреждения общего с нашей стороны натиска, в случае, если Беннигсен на это отважится. Более шестидесяти эскадронов обскакало справа бежав-

ший корпус и понеслось на нас, махая палашами. Загудело поле, и снег, взрываемый 12 тысячами сплоченных всадников, поднялся и завился из-под них, как вихрь из-под громовой тучи. Блистательный Мюрат в карусельном костюме своем, следуемый многочисленною свитою, горел впереди бури, с саблею наголо, и летел, как на пир, в средину сечи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыков, подставленных нашею пехотою, не преградили гибельному приливу. Французская кавалерия все смяла, все затоптала, прорвала первую линию армии и в бурном порыве своем достигла до второй линии и резерва, но тут разразился о скалу напор волн ее. Вторая линия и резерв устояли, не поколебавшись, и густым ружейным и батарейным огнем обратили вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерия эта, в свою очередь преследуемая конницею нашею *сквозь строй* пехоты первой линии, прежде ею же смятой и затоптанной, а теперь снова уже поднявшейся на ноги и стрелявшей по ней вдогонку, — отхлынула даже за черту, которую она занимала в начале дня. Погоня конницы была удальски запальчива и, как говорится, *до дна*. Оставленные на этой черте неприятельские батареи были взяты достигшими до них несколькими нашими эскадронами; канониры и у некоторых орудий колеса были изрублены всадниками, но сами орудия остались на месте от неимения передков и упряжей, ускакавших от страха из виду.

В этой рукопашной схватке и в приливе и отливе кавалерии дивизионные генералы: кавалерийский Гопульт, гвардейский Далман, генерал-адъютант Карбино и пехотный Дежарден, легли на месте битвы. Сам маршал Ожеро, дивизионный генерал Гюдло и бригадный Лошет были ранены; некоторые другие бригадные генералы и множество штаб-офицеров, как Лакле, Маруа, Бувьер и прочие, понесли подобную же участь. Два эскадрона гвардейских конных гренадеров, которые составляли хвост уходившей неприятельской кавалерии, были схвачены нашею конницею и положили жизнь между первою и второю ли-

циями; 14-й линейный полк лишился всех офицеров, а в 24-м линейном осталось в живых только пять. Весь корпус Ожеро, три кавалерийские дивизии и конная гвардия представляли лишь одни обломки. Шесть орлов было взято нашими.

Какая была минута для дружного и совокупного напора всех сил наших на дивизию Сент-Илера, оставшуюся без подпоры и без надежды на какую-либо подпору! Все вокруг этой дивизии было или истреблено, или расстроено, и, что всего важнее, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверх того еще было не более одиннадцати часов утра, следовательно, оставалось еще два часа до прибытия корпуса Даву на поле сражения. Но, чтобы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокого познания своего дела, не довольно духа твердого и ума расчетливого: все это мертво без вдохновения, без того порыва непонятного, неизъяснимого, мгновенного, как электрическая искра, который столько же необходим поэту, витию, как полководцу; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова — поэтов и витий действия, как Пиндара, как Мирабо — полководцев слова.

Благоприятный случай, обещавший оружию нашему так много выгоды, исчез. Войска наши, гнавшиеся за неприятелем, принуждены были возвратиться в состав главных сил армии, из которой не было выдвинуто ни одного батальона им на помощь, и расстроенный неприятель, пользуясь их отливом, сплотился, устроился и ободрился. Тогда обе сражавшиеся армии вошли в то самое положение, в котором находились они до резни и сечи, до бойни, бесполезно пожравшей такое множество, и все эти чудеса храбрости, все это самоотвержение, весь этот героизм воинов, загромоздивших трупами своими поле кровавого прения, обратился ни во что, как будто его и не бывало!.. Действие ограничилось жестокою канонадою, снова разлившеюся по всему протяжению обеих армий, и побиением ею новых тысячей, *так, от нечего делать.*

Настал второй период сражения.

Около первого часу пополудни на гребне высот, которые виднелись от нас влево и к которым примыкал наш левый фланг, замелькало несколько отдельных всадников. За ними показались громады конницы, а там выдвинулись громады пехоты и артиллерия. Горизонт зачернел и взволновался. Холмы Саусгартена, дотоле безмолвные, сверкнули, оклубились дымом и *проглаголали*. Даву ответствовал им из сорока орудий и потек лавою на боевое поле в одно время с приблизительным к нему движением дивизии Сент-Илера, подкрепленной кавалерийской дивизией Мильо. На левом фланге Сент-Илера, уступом от него, двинулись потерпевшие уже в бою кавалерийские дивизии Клейна, Груши и Гопульта: они были построены в три линии. К левому флангу этой кавалерии примкнул остаток корпуса Ожеро, построенный в две линии. За ними расположилась пешая гвардия, а позади Гопульта — не менее кавалерийских дивизий потерпевшая конная гвардия. Дивизии же Легранда и Леваля так, как и четыре легкие кавалерийские бригады, остались на своих местах.

Все внимание, и наше и неприятельское, обратилось к Даву и к нашему левому флангу.

Поскакали адъютанты по Альторфской дороге с повелениями Лестоку увеличить поспешность к прибытию его не к правому уже флангу армии, а чрез Шмодитен к левому. Некоторая часть конницы и артиллерии, находившихся на нашем правом фланге и на центре, потянулась к тому же левому флангу, который неприятельские силы подавляли более и более к центру, давно уже терпевшему от батарей, расположенных за каменными строениями города; они обстреливали продольными выстрелами все протяжение армии нашей от Эйлау до Ауклапена и леса, находящегося между Саусгартеном, Ауклапеном и Кушитеном.

Обстоятельства представлялись не в красивом виде. Даву, оттеснив левый фланг наш за лес, занял пространство, разделяющее Кушитен и Саусгартен, заложил на высотах Саусгартена огромную батарею и с своей стороны ударил ядрами прямо в протяжение нашей армии,

пронизываемое уже продольными выстрелами из Эйлау. Селение Кушитен наполнилось его пехотою одновременно с пехотою дивизии Сент-Илера, забравшеюся в мызу Ауклапен, где была ночью главная квартира Беннигсена. Граф Остерман с неустрашимостью, граф Пален с спокойствием героев отражали нападение, успехами усилившееся, — но тщетно! Беспорядок начинал сказываться в наших войсках. Вся часть поля сражения, от Кушитена до Шмодитена, покрылась рассеянными солдатами: они тянулись к Кенигсбергской дороге под прикрытием тех из своих товарищей, которые, не теряя ни духа, ни устройства, обливали еще кровью своею каждый шаг земли, ими оспариваемый. Перекрестный огонь умножавшихся батарей неприятеля пахал, взрывал поле битвы и все, что на нем ни находилось. Обломки ружей, щепы лафетов, кивера, каски вились по воздуху; все трещало и рушилось.

Среди бури ревущих ядр и лопавшихся гранат, посреди упадших и падавших людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннигсен, как знамя чести. К нему и от него носились адъютанты; известия и повеления сменялись известиями и повелениями; скачка была беспрерывная, деятельность неутомимая; но положение армии тем не исправилось, потому что все мысли, все намерения, все распоряжения вождя нашего, — все дышало осторожностью, расчетливостью, произведениями ума точного, основательного, сильного для состязания с умами такого же рода, но не со вспышками гения и созданиями внезапности, ускользающими от предусмотрений и угадываний, основанных на классических правилах. Все, что Беннигсен ни приказывал, все, что ни исполнялось вследствие его приказаний, — все клонилось лишь к систематическому отражению нападений Даву и Сент-Илера, противуставя штык их штыку и дуло — их дулу, но не к какому-либо неожиданному движению, выходящему из круга обыкновенных движений, не к удару *напропалую и очертя голову* на какой-либо пункт, почитаемый неприятелем вне опасности.

И подлинно, как шло дело? Даву продолжал напирать, охватывая более и более левый фланг нашей армии, тогда как часть центра и правый фланг оной, не двигаясь с места, постепенно и мало-по-малу отделяли от себя частицы пехоты, конницы и артиллерии на подпору отступавшему левому флангу, не предпринимая ничего совокупного, ничего решительного, ничего того, что бы могло скоропостижностью своею ошеломить противника. Впрочем, немало приносило нам пользы и одно кой-какое преграждение натисков правого неприятельского фланга: отсрочивая решительное поражение, оно давало время корпусу Лестока прибыть на поле битвы. Но для сего следовало подкреплять сей фланг большими массами, а не мелкими частицами.

Багратион, который в минуты опасности поступал на свое место силою воли и дарования, двинул резерв к Ауклапену и обратил его лицом к Даву и Сент-Илеру. Ермолов прискакал к тому же пункту с тридцатью шестью конными орудиями, выдвинул их из-за резерва, осыпал брандскугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажег ее и принудил неприятельскую пехоту из нее удалиться; генерал-майор граф Кутайсов прибыл также сюда с двенадцатью орудиями, но позднее. Тогда, не теряя ни минуты, он бросился к ручью, рассекавшему лес, и сразился с заложенными на нем батареями, не перепуская вместе с тем ни одной пехотной колонны ни к лесу, ни к Ауклапену, ни к Кушитену для подкрепления войск, ввалившихся в это последнее селение. Но эти успехи или, лучше сказать, эта отсрочка угрожаемой гибели, не могла быть продолжительна. Для похищения у неприятеля решительной победы надлежало не только *остановить*, но *поразить* Даву натиском на его правый фланг и вместе с тем угрозить тылу его общим наступлением на корпус Ожеро и кавалерии, которая к нему примыкала. Для последнего мы еще обладали достаточной силой, но для первого нам необходим был прусский корпус, который все не являлся

Наконец, прискакали адъютанты с известием о прибли-.

жении Лестока, столь давно, столь нетерпеливо нами жданного. Занявши большую часть корпуса Нея битвою с бригадою генерала Плоца и преследованием ее к Крейцбургу, Лесток с главными силами своими, состоявшими из девяти батальонов и двадцати девяти эскадронов, обратился на Лейсен, Гравентен и Альторф. Уже было около четырех часов пополудни; дорога Альторфская зачернела войсками, и Беннигсен поскакал к ним навстречу — и для ускорения их прихода, и для того, чтобы направить их по собственным его видам. Заметно было, что по прибытии главнокомандующего к сему корпусу стремление его усилилось. Лесток направлен был к Шмодитену; он миновал это селение и, не доходя до Кушитена, построил войска в боевой порядок. Правую колонну составлял русский Выборгский пехотный полк, левую — полк Рюхеля; в резерве за ними — гренадерский батальон Фобецкого развернутым фронтом. Пехотный полк Шепинга, построенный в колонну, оставив селение влево, ударил на неприятельскую пехоту, пред ним находившуюся, опрокинул ее и прогнал в лес. Генерал Каль, с конницею и одним полком казаков, примкнувших к нему от главной армии, оставя Кушитен вправо, напал на неприятельскую кавалерию, примыкавшую к этому селению, расстроил ее и, обратясь на пехоту, выбегавшую в расстройстве из Кушитена, затоптал и истребил большую часть ее, не допуская ее до лесу, в котором скрылась первая пехота.

В этом случае Выборгский пехотный полк отбил три орудия, взятые французами у нашего левого фланга, во время его отступления.

Овладев Кушитеном, Лесток поворотил войска вправо и построил их лицом к лесу. Полк Шенинга составил правый фланг, гренадерский батальон Фобецкого и Выборгский пехотный — средину, а полк Рюхеля — левый фланг корпуса. Вторую линию составили кирасирский полк Вагенфельда и драгунские полки Ауера и Бачко. Легкоконный полк *Товарищей* построился на левом фланге пехоты.

В это время отступавший левый наш фланг остановился и устроился, а резерв его, под командою генерал-майора графа Каменского, и конница резерва, под командою генерал-майора Чаплица, двинулись на подпору прусскому корпусу.

Атака на лес была произведена с превосходным мужеством и с замечательным устройством. Лес был очищен частью огнестрельным, частью холодным оружием. Вот момент общего натиска всей средины и всего главного резерва нашей армии на разжиженные от утреннего боя корпус Ожеро, конную гвардию и три кавалерийские дивизии Клейна, Груши и Гопульта, соединившие левый фланг с правым флангом французской армии. Подобное движение даровало победу Наполеону под Аустерлицом.

Но армия наша осталась на месте, ограничив действие свое одною канонадою. Напору Лестока содействовала собственная его артиллерия, бившая в лицо войска Даву и Сент-Илера, и артиллерия Ермолова, низавшая продольными выстрелами линию этого корпуса и сей дивизии по всему протяжению от левого до правого их фланга.

Несмотря на это общее с нашей стороны бездействие, предоставлявшее все усилия одному Лестоку и артиллерии Ермолова, неприятель не устоял против них. Отступление его, начатое сперва с устройством, обратилось, наконец, в предосудительный беспорядок, который достиг до того, что двадцать восемь орудий, частью подбитых и частью ничем не поврежденных, были брошены им на месте сражения. Наступивший мрак и неведение об этом не дозволили прусскому генералу украсить день эйлавский такими важными трофеями. Даву и Сент-Илер, оставив поле битвы, расположили войска свои по обеим сторонам Саусгартена; передовая цепь и караулы их заняли место в нескольких саженях впереди его. Вся неприятельская линия рассекала поле сражения от Саусгартена к Эйлау. У Эйлау остались на прежних местах пехотные дивизии Леваля и Легранда; но четыре легкие кавалерийские бригады подвинулись к Альторфскому ручью для открытия

сообщения с частью корпуса Нея, подходившего уже к Альторфу.

С нашей стороны войска расположились так.

Передняя линия их, примкнув левым флангом к дороге, идущей от Кушитена в Домнау, шла вдоль ручья, текущего от Ауклапена, и рассекала лес почти надвое. Оттуда линия эта проходила впереди Ауклапена и упиралась в центральную батарею нашу, игравшую столь значительную роль в первом периоде сражения. К этой батарее примыкали войска правого фланга, как примыкали они в первоначальном их построении перед сражением. Это наступательное положение сражавшихся войск по прекращении битвы доказывает отсутствие решительного перевеса оружия одной армии над другою. Как французская, так и наша остались в занимаемых ими позициях с некоторым только изменением на левом нашем фланге, уступившем несколько саженей места корпусу Даву и дивизии Сент-Илера по причине наступления сумрака, который затруднил битву.

Еще один час дня — и Лесток неминуемо овладел бы артиллериею, оставленною французами между Кушитеном и Саусгартеном, и принудил бы самый корпус Даву и дивизию Сент-Илера отступить за Саусгартен и далее.

Глубокая ночь более и более густела над Эйлавским полем, упитанным кровью. Все окружные селения пожирались пламенем, и отблеск пожаров разливался на войска, утомленные, но еще стоявшие под ружьем и ожидавшие повелений своих начальников. Кое-где видны уже были вспыхнувшие костры биваков, вокруг коих толпились или к которым пробирались и ползли тысячи раненых. Искаженные трупы людей и лошадей, разбитые фуры, пороховые ящики и лафеты, доспехи и оружие — все это, здесь разбросанное, там сваленное в груды, придавало равнине живописность ужаса и разрушения, достойную кисти вдохновенного творца «Последнего дня Помпеи».

Бой прекратился, но недоумение: возобновить ли битву, или отступить нам к Кенигсбергу, французам — к Ви-

сле? — обуревало мысли верховных вождей обеих армий. Упрямейший восторжествовал не возобновлением нападения, но дождавшись утра на месте битвы. Беннигсен оставил поле около полуночи и на нем несколько эскадронов для надзора за неприятелем и прикрытия армии, потянувшейся к Кенигсбергу; Лесток отошел чрез Алленбург к Вело. Погони не было. Французская армия, как расстрелянный военный корабль, с обломанными мачтами и с изорванными парусами, колыхалась еще грозная, но неспособная уже сделать один шаг вперед ни для битвы, ни даже для преследования.

Вдруг закипели ружейные выстрелы в Шмотидене. Мы изумились. Первая наша мысль обратилась к Нею, вышедшему из нашей памяти. И подлинно, Ней, прибыв с частию своего корпуса в Альторф в девять часов вечера, нашел там прусский гренадерский батальон капитана Куровского, который, видя несоразмерность сил своих с неприятельскими, оставил селения и отошел к армии. Генерал Лиже-Белер с 6-м и 39-м полками легкой пехоты следовал за ним и вступил в Шмодитен, селение полное нашими ранеными и командами, прибывшими для их прикрытия. Последние открыли огонь по французам, и перестрелка завязалась. Тотчас отряжен был к ним на помощь Воронежский пехотный полк и несколько орудий; но неприятель, не дожидаясь нашего отряда, отступил в Альторф, и тем прекратилась тревога.

Двадцать восьмого числа армия наша, отдохнув в Мюльгаузене, продолжала путь свой к Кенигсбергу, вокруг которого остановилась, оставив в арьергарде князя Багратиона в Людвигсвальде.

Французская армия, опасаясь на пути вперед нового сражения, осталась около Эйлау; двадцать четыре эскадрона только двинулись для наблюдения на берега Фришинга, к Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истечении с лишком двух суток и по уверенности Наполеона в прибытии армии нашей к Прегелю.

Пятого февраля Наполеон решился отступить за Пас-

саргу для занятия кантонир-квартир и оставил Эйлау, преследуемый нашим авангардом и всеми казачьими полками под начальством своего атамана Платова, который с того дня начал свою европейскую репутацию.

Обратное шествие неприятельской армии, несмотря на умеренность стужи, ни в чем не уступало в уроне, понесенном ею пять лет после при отступлении из Москвы к Неману, — в уроне, приписанном французами одной стуже, чему, впрочем, никто уже ныне не верит. Находясь в авангарде, я был очевидцем кровавых следов ее от Эйлау до Гутштадта. Весь путь усеян был ее обломками. Не было пустого места. Везде встречали мы сотни лошадей, умирающих или заваливших трупами своими путь, по коему мы следовали и лазаретные фуры, полные умершими или умирающими и искаженными в Эйлавском сражении солдатами и чиновниками. Торопливость в отступлении до того достигла, что, кроме страдальцев, оставленных в повозках, мы находили многих из них выброшенных на снег, без покрова и одежды, истекавших кровию. Таких было на каждой версте не один, не два, но десятки и сотни. Сверх того все деревни, находившиеся на нашем пути, завалены были больными и ранеными, без врачей, без пищи и без малейшего призора. В сем преследовании казаки наши захватили множество усталых, много мародеров и восемь орудий, завязших в снегу и без упряжи.

Урон наш в этом сражении простирался почти до половинного числа сражавшихся, то есть до 37 тысяч человек убитых и раненых: по спискам видно, что после битвы армия наша состояла из 46 800 человек регулярного войска и 2 500 казаков. Подобному урону не было примера в военных летописях со времени изобретения пороха.

БАГРАТИОН

Князь Петр Иванович Багратион, столь знаменитый по своему изумительному мужеству, высокому бескорыстию, решительности и деятельности, не получил, к несчастию, никакого образования. Поступив унтер-офицером в один из егерских полков, расположенных на Кавказской линии, он служил в батальоне полковника Пьери. Высокие природные его дарования, мужество, деятельность и неподражаемая бдительность, заменившие ему сведения, обратили на него внимание великого Суворова, которого он, можно сказать, был правою рукой в бессмертной итальянской кампании. Суворов подобно всем гениальным людям, будучи выше зависти, любил готовить себе сотрудников, достойных его великих предначертаний. Заслужив дружбу сего великого представителя всей нашей военной славы, князь Багратион на берегах Адды, Требии, у подошвы Апеннинских гор и на заоблачных высях Альп, исполняя в точности его приказания, прославил себя чудесами мужества, деятельности и великодушия. Он почерпнул в этой бессмертной войне ту быстроту в действиях, то искусство в изворотах, ту внезапность в нападениях, то единство в натиске, которые приобрели ему полную доверенность, неограниченную любовь и глубокое уважение всей армии.

Во время войны 1805 г. князь Багратион, разделив славу беспримерного отступления с нашим Фабием — Кутузовым, обрекшим его с шестью тысячами человек войска на

верную гибель для спасения главной армии, пробился с величайшей честью сквозь тридцать тысяч неприятелей. Во время войны 1806 и 1807 гг. князь был неизменным начальником авангарда нашей армии; имея дело с неутомимым и энергичным Наполеоном, князь должен был обнаружить здесь много хладнокровия, мужества, бдительности и искусства для охранения отступающей нашей армии и отражения настойчивых наступлений французов. Тот, которого почитали лишь богатырем, но не тактиком, авангардным начальником, но не полководцем, доказал в начале Отечественной войны, что он соединял в себе неустрашимость с опытностью искусного военачальника.

Назначение Барклая главнокомандующим 1-ю армиею и подчинение ему князя Багратиона немало оскорбило сего последнего. С этого времени оба полководца начали питать взаимное недоверие, которое усилилось вследствие различия их характеров и одинаковости их положения. Пламенный, решительный и нетерпеливый князь Багратион не мог сочувствовать холодному, расчетливому и методическому Барклаю. Блестящие качества, открытый характер и ласковое со всеми обращение князя привлекали к нему все сердца его подчиненных, из которых самые слабые и робкие, воодушевляемые его примером, становились героями. Напротив того, бесстрашный, неутомимый, но мало приветливый Барклай, не взирая на высокие свои достоинства, не умел привязать к себе войск. Таким образом Барклай, будучи несравненно моложе князя, столкнулся с ним в своих честолюбивых стремлениях.

Князь Багратион, не знавший положительно о числительности неприятельских сил, был весьма мало сведущ в правилах высшей военной науки; ненавидя подобно великому Суворову, малейшее отступление, он глубоко скорбел при виде бедствий, тяготевших над нашим отечеством. Называя Барклая методиком, Давустом, князь, не знавший материальных средств России, кои были лучше известны военному министру, был убежден, что одна наступательная война могла отвратить бедствия, постигшие Россию.

Вот истинная причина того, почему он тяготился зависимостью своею от Барклая, обнаружившего в этом случае несравненно большую проницательность.

Когда недоверие между главнокомандующими перешло во вражду, выступил на сцену начальник штаба 1-й армии Ермолов, который, пользуясь большим расположением и доверием князя Багратиона, решился установить, по возможности, согласие между ним и Барклаем. В самом деле можно было извлечь большие выгоды из самой противоположности их характеров: холодная рассудительность одного в соединении с предприимчивостью и решительностью другого могли дать огромные результаты. Смягчая выражения Барклая при передаче приказаний его князю и поступая таким же образом, когда надлежало докладывать первому донесения второго, ему удалось восстановить согласие между ними. Но это не продолжалось долго; к сожалению, после выздоровления благородного и мужественного графа Сен-При, подчинившегося, к несчастию, интригану, внушившему ему мысль принять на себя, подобно Ермолову, роль посредника, что далеко превосходило его способности, — возникли новые распри, гибельные последствия которых могли быть отвращены лишь назначением князя Кутузова главнокомандующим всех армий. Способный к увлечениям, пылкий и запальчивый князь мог заблуждаться, но он не мог быть обвинен в недостатке искренности и благородства; недостойные клеветы оскорбленного и раздраженного Барклая на князя и многих наших славных деятелей Отечественной войны не заслуживают доверия.

В Бородинском сражении сей доблестный исполин, отстаивавший, как гранитная скала, занимаемую им позицию, получил смертельную рану; скорбя более о гибели России, чем о своей жизни, он пренебрег лечением своей раны и умер, горько оплаканный своими подчиненными, находившими всегда у него отеческий привет и участие, и с которыми он нередко делил последний кусок хлеба.

Это — Ахилл наполеоновских войн, в числе первых оце-

нивший пользу партизанской войны, постиг силою одного своего гения основные правила военного искусства; несмотря на значительное превосходство в сведениях своих подчиненных, он умел всегда сохранить преимущество своего сана, без оскорбления чьего бы то ни было самолюбия. Величественная поступь и осанка князя, орлиный взгляд его производили обаятельное на всех действие. Имев неоцененное счастие служить в течение пяти лет адъютантом при князе, который был всегда весьма взыскательным начальником, я сохранил и сохраню до конца дней моих в памяти этого высокого героя и неподражаемо заботливого, доброго и снисходительного генерала чувства глубочайшего благоговения и самой искренней душевной признательности.

25 января 1807 г. два полка пехоты и пять эскадронов кавалерии были отряжены из Фрауендорфа к Гейльсбергу. Армия отступила к Ландсбергу двумя колоннами: 1-я следовала большой дорогою, а 2-я, Сакена — на Спервартен и Петерсгаген.

Арьергард генерала Барклая, выдержавший сильный неприятельский натиск, прикрывал движение 1-й колонны, а арьергард князя Багратиона, также преследуемый неприятелем, шел через Клаузитен, Плауен и Паппертен.

Подходя к Паппертену, мы услышали за горою сильную перестрелку и канонаду; поднявшись на гору, мы увидели отступающий арьергард Барклая, атакованный сильными неприятельскими колоннами. Главнокомандующий приказал нам расположиться на правом крыле армии около Ватерлака и Паустерна и послал в помощь Барклаю несколько полков пехоты и кавалерии; но уже было поздно, потому что неприятель сильно теснил Барклая прежде прохода его чрез Гофское дефиле. В это время два гусарские полка (Ольвиопольский и Изюмский), двинувшись сами собою вперед, оставили позади Костромской пехотный полк, вправо в лесу — 1-й егерский. Гусары были опрокинуты французскими кирасирами, которые, перемешавшись с ними, ворвались в нашу пехоту. Костром-

ской полк почти весь лег на месте, потеряв знамена и орудия; 1-й егерский полк будучи отрезан, пострадал не менее его; но остатки его, пользуясь лесистой и пересеченной местностью, успели ночью собраться. Весь арьергард Барклая был чрезвычайно расстроен, но, невзирая на то, он при наступлении ночи выставил все свои пикеты, хотя почти не имел патронов. Он ночевал на ближайшем ружейном выстреле от неприятеля. Огни неприятельских биваков запылали на высотах Гофа, и все погрузились в сон.

Так как на другой день надлежало князю Багратиону сменять Барклая, то главнокомандующий позвал его к себе и, снабдив его наставлениями касательно отступления, сказал ему: «Я сейчас велел армии подыматься; по всем моим расчетам, в два часа пополуночи она должна вся вытянуться и даже быть в нескольких верстах отсюда: если в три часа пополуночи останется еще здесь какая-нибудь дивизия, то пусть она прикрывает отступление, и вы с арьергардом следуйте за армиею; мне уже надоели опаздывание и медленность в движении!» Во время ночи арьергард наш был переведен с правого фланга на большую дорогу и поставлен по обеим ее сторонам, дабы не мешать армии следовать к Прейсиш-Эйлау.

Квартира князя Багратиона была в Ландсберге на большой улице, по коей приходили войска, близ въезда, обращенного к стороне неприятеля. Князь [1] хладнокровно диктовал обер-квартирмейстеру, полковнику Эйхену 2-му, приказ по арьергарду: мы все лежали на полу, и хотя ни один из нас не смыкал глаз в течение четырех дней, я не видал ни одного спящего. Причина нашей бессонницы и тревожного состояния нашего духа заключалась в том, что нам было известно, что вся неприятельская армия прибыла уже на высоты Гофа, так что главные ее массы находились лишь в нескольких саженях от цепи нашего

---

[1] При князе Багратионе состоял одно время обер-аудитор Маевский, который отличался замечательным умом и невероятным мужеством: он состоял впоследствии при князе Кутузове и достиг генерал-лейтенантского чина.

слабого арьергарда, предоставленного собственным средствам армиею, поспешно отступающею к Прейсиш-Эйлау. К тому же неприятель, овладев уже дорогою от Гейльсберга к Прейсиш-Эйлау, мог либо предупредить нас в этом городе, либо отразить нас от него. Ночью несколько дивизионных генералов, как-то: граф Остерман и князь Дмитрий Владимирович Голицын заезжали к Багратиону и соболезновали об его участи, но князь казался не только не смущенным, он шутил более обыкновенного, что всегда делывал в минуты величайшей опасности.

В пятом часу он послал меня узнать, какая проходит дивизия. Вскоре он был извещен о порядке марша и о том, что еще остается выжидать прохождения двух дивизий, ибо дивизия Тучкова, тщетно старавшаяся пробраться прямым путем, должна была вернуться на большую дорогу, а потому наш арьергард стал выдвигаться по дороге к Прейсиш-Эйлау лишь в осьмом часу; граф Ламберг прикрывал его отступление. Мы видели, что густые неприятельские колонны стали спускаться с высот Гофа; дело завязалось, и вскоре весь почти арьергард вступил в бой. Мы подошли к открытой поляне, а потому стали нуждаться в кавалерии; князь послал за нею в главную квартиру Офросимова и меня. Я нашел штабных за завтраком, а граф Толстой, глотая котлету, кричал Офросимову: «Да что надобно князю? Он хочет вытребовать всю армию в арьергард; если он с тем, что имеет, не может удерживать неприятеля, то что это за генерал?»

Я нашелся вынужденным прямо обратиться к Беннигсену, и он приказал мне взять с собой первые два конные полка, которые я встречу; жребий пал, кажется, на полки С.-Петербургский драгунский и Литовский уланский, которые прибыли к арьергарду уже при Грингофшенской мызе. Между тем неприятель напирал сильнее и сильнее на арьергард, который, не выказывая ни малейшей торопливости, отступал в величайшем порядке. Он был усилен несколькими полками 8-й дивизии; так как армия еще не вся расположилась на избранной для нее позиции, то надлежало удержать неприятеля еще некоторое время.

Князь, стоя на большой дороге и осыпаемый ядрами и картечью, отдавал приказания с величественным хладнокровием. Вскоре воюющие стороны столкнулись; С.-Петербургские драгуны, ударив на 18-й линейный неприятельский полк, следовавший от Грингофшена между озером и высотою означенной мызы, рассеяли его и взяли одного орла; Ермолов с конноартиллерийскою ротою своей, находясь в передних рядах, отражал картечью атаковавшие его неприятельские колонны. Хотя Псковский и Софийский пехотные полки лишились весьма многих людей, но они сохранили порядок, как на ученье. Словом, казалось, все полки, составлявшие арьергард, одушевляемые примером бесстрашного князя Багратиона, состязались один перед другим в рвении и мужестве; но, невзирая на это, наш арьергард был оттеснен к городу превосходными неприятельскими силами, и огонь усилился.

Около этого времени Барклай был жестоко ранен; наши, будучи вынуждены продолжать свое отступление к стороне позиции, избранной армиею, увидели главнокомандующего в жесточайшем огне. Он приказал князю Багратиону снова овладеть во что бы то ни стало городом, причем подкрепил его 4-ю пехотною дивизиею. Князь, сошедший с лошади, стал во главе колонн; он с свойственным ему величественным хладнокровием направился пешком к городу. Войска последовали за ним спокойно и без шума, но при вступлении в улицы они с криками «ура» ударили в штыки и снова заняли город. Ночь прекратила битву, и город остался за нами.

Князь, составив в Прейсиш-Эйлау 4-ю дивизию, находившуюся тогда под командою генерал-майора Сомова, и дав ему наставления, распустил арьергард на основании данной ему диспозиции; не имея уже команды, он поехал в главную квартиру, занимавшую тогда мызу Ауклапен.

Чтобы добраться до горницы, занимаемой главнокомандующим, нужно было проходить чрез ряд больших горниц, заваленных ранеными и умирающими, и слышать стон и вопли страдальцев, не имевших и здесь покоя, ибо

входившие и выходившие адъютанты и ординарцы беспрестанно шагали чрез них без малейшей осторожности. При входе же в горницу главнокомандующего налево была видна кровать, на которой лежал Барклай (я взглянул на сего почтенного и знаменитого впоследствии полководца, у которого глаза были закрыты; я не заметил, однако, на бледном лице его ни малейшего признака страдания); среди комнаты стояло большое кресло, занятое главнокомандующим, около которого сидели: генерал Кнорринг, Платов, недавно приехавший с Дона, и многие другие генералы. Пред ними стоял большой стол с тарелками, и горница была наполнена множеством генералов и адъютантов. Когда старшие генералы занялись очищением легкого ужина, поставленного пред ними, мы же с горя, не имея никакой закуски, легли на пол; каждый из нас положил свою голову на ляжку товарища и готовился отдохнуть. Вдруг входит в горницу офицер, сколько помню, в драгунском мундире, и доносит главнокомандующему, что генерал Сомов приказал уведомить его высокопревосходительство о подошедшей к воротам города неприятельской колонне, которая *хочет сдаваться*; генерал Сомов приказал ему потому узнать, как надлежит поступить с нею. Это важное известие всех подняло на ноги, но каждый мыслил по-своему; иные видели в этом лишь военную хитрость, другие, как граф Толстой с своими друзьями, ни мало тому не удивлялись, говоря, что французам надоело уже служить артиллерийскому поручику [1]; большая же часть из нас,по обыкновению своему, *ничего не думала.* Главнокомандующий приказал принять колонну не иначе, как предварительно обезоруженную у ворот города. Еще толки о том не умолкли, как вдруг торопливо вбежал Ставицкий (тогда полковник и флигель-адъютант, а ныне сенатор) с донесением, что он, предполагая город занятым нами, спокойно ехал к Сомову с квартирмейстерским полковником Вистицким. За не-

---

[1] То есть Наполеону. (*Ред.*)

сколько шагов до города они, к крайнему их удивлению, были окликаны французскими пикетами, которые, выстрелив, ранили Вистицкого, и они лишь тогда убедились, что город уже во власти неприятеля [1]; это известие привело всех в страшное отчаяние; начались новые предположения, предсказания одно другого мрачнее, но вскоре был привезен раненый Вистицкий.

Тогда главнокомандующий послал к городу генерала Чаплица и подполковника графа Орурка, поручив им узнать обстоятельнее об этом непонятном для всех деле. Через некоторое время они оба возвратились и подтвердили донесение Ставицкого, прибавив, что они искали генерала Сомова, но не могли его найти, и что, по причине глубокой ночи, никто не знает, где он [2].

Вскоре все удостоверились в занятии города, находившегося лишь в семистах шагах от нашей боевой линии, которой он служил доселе военным прикрытием; наша армия, не имея уже пред собою сильно занятого пункта, могла легко подвергнуться внезапному ночному нападению. Беннигсен, поручив Багратиону приведение в порядок этой части армии, приказал ему вместе с тем основательно разведать о причинах донесения Сомова и внезапного занятия города неприятелем. Князь, подъехав к бивакам армии, разослал адъютантов своих разыскивать Сомова; я нечаянно наехал на Тульский пехотный полк, коего шефом был Сомов, и узнал, что этот генерал спит посреди полка. Князь, подъехал к полку, велел разбудить генерала и спросил его: «Присылал ли он офицера с доне-

---

[1] Так как войска Сомова разбрелись по городу, этот генерал велел ударить сбор в стороне, противоположной неприятелю; по мере того, как эта часть города очищалась, город стали занимать французы, которые укрепились в нем.

[2] Так как французским офицерам удалось уже снять план нашей позиции, то Беннигсен, невзирая на глубокий снег, покрывавший поля, приказал войскам избрать в течение ночи другую позицию, что вынудило на другой день Наполеона изменить, в свою очередь, направление своих колонн. Это обстоятельство было причиною того, что сражение началось гораздо позднее, чем предполагали.

сением о том, что одна французская колонна, подошедшая к воротам города, имела намерение сдаться?» Сомов отвечал, что никакая колонна неприятельская не изъявляла желания сдаваться. Тогда князь спросил его: «Как он смел оставить город без дозволения главнокомандующего и не сделав ни одного выстрела?» На сие Сомов представил ему отговорки, бывшие тогда в употреблении и принимаемые начальниками: что французские колонны обходили его фланги; что неприятель был сильнее, и прочее. Тут князь, сделав ему ужасный выговор, велел подняться 4-й дивизии и занять место пред боевою линией у самого входа в город. Неприятельские пикеты, услыхав шум, сделали несколько выстрелов, но вскоре все умолкло. Князь возвратился в главную квартиру и, отдав отчет Беннигсену, лег с нами отдыхать в сарае. На рассвете мы поехали к армии, которая становилась в ружье; правым ее флангом командовал генерал-лейтенант Тучков 1-й, срединою — генерал-лейтенант Сакен, левым флангом — генерал-лейтенант граф Остерман, резервом — генерал-лейтенант Дохтуров, кавалериею — князь Дмитрий Владимирович Голицын; так как князю Багратиону, как младшему, не было уже места, то он поступил под команду Дохтурова (!!!). Линия наша, примыкая правым флангом к Шмодитену и направляясь косвенно к городу, образовала угол; она упиралась левым флангом к Клейн-Саусгартену.

Деревня Серпален, находившаяся впереди Клейн-Саусгартена, была занята слабым отрядом генерала Багговута; резервы, построенные в две колонны, были расположены вправо и влево от мызы Ауклапен, а кавалерия, расставленная вдоль всей линии малыми отрядами, не представляла нигде достаточной силы либо для удержания стремления неприятеля, либо для нанесения решительного удара.

По всему видно, что Наполеон, привыкший к ночным отступлениям нашей армии, не ожидал генерального сражения при Прейсиш-Эйлау; он думал дать его перед Кенигсбергом, или полагал, что цель нашего отступления

состояла лишь в занятии зимних квартир за Прегелем.

Основываясь на этом и желая избежать затруднения во время следования своего за нами по узкой и неудобной дороге, он отделил от себя корпуса Нея и Даву на довольно значительное расстояние; если б Беннигсен перешел в решительное наступление со всеми своими силами, простиравшимися до восьмидесяти тысяч человек, едва ли бы Наполеон, до прибытия своих корпусов Нея, Даву, Бернадота, избежал поражения. Времени было много. Сражение, начатое в полдень 26-го, продолжалось до полудня 27-го числа с тою же несоразмерностью в силах, ибо Даву лишь в полдень 27-го прибыл на левый фланг наш, а Ней подошел к правому нашему флангу ночью и то с малою частью своего корпуса. Мы могли нанести сильный удар французской армии, а в случае неудачи отступать, подобно тому, как отступили после этого сражения.

Наполеон, увидя поутру вместо арьергарда всю нашу армию, готовую принять бой, послал повеление к Даву и Нею спешить к Прейсиш-Эйлау; он сам решился предупредить Беннигсена, направив Сульта к передним домам города; Ожеро, примкнув к правому его флангу и выставив сто пятьдесят батарейных орудий на высотах, простирающихся от города до Ротенана, открыл жестокий против нас огонь. Дивизия Сент-Илера, имея в резерве две кавалерийские дивизии Клейна и Мильо, стала на правом фланге Ожеро. Легкие дивизии Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались около Амт-Эйлау, дивизии же Гопульта и Груши примкнули к правому флангу гвардии, пришедшей к кладбищу, где весь день находился сам Наполеон. Канонада с обеих сторон загоралась по мере развертывания французской армии; вскоре она, сделавшись общею, усилилась и в окрестностях города. Густой снег скрывал движение неприятеля; корпус Ожеро незаметно подошел к центральной батарее нашей, скрытой и еще доселе безмолвствовавшей. Едва усмотрели мы его колонны, как огонь с семидесятиорудийной батареи осыпал картечью стесненные ряды атакующих. Остановленные в своем

стремлении, неприятельские колонны были приняты нашими в штыки; пехотные полки Московский гренадерский и Шлиссельбургский, имея позади себя резервы армии, опрокинули, рассеяли неприятеля, который, потеряв несколько знамен и орудий, оставил поле сражения и отступил в беспорядке к главной своей батарее [1]. Эта минута была столь решительна для обеих армий, что Наполеон, коего проницательность и энергия возвышались по мере увеличения опасности, приказал всему кавалерийскому резерву ударить на подвигавшуюся вперед нашу линию.

Мы между тем преследовали французов столь яростно и стремительно, что один батальон наш достиг даже кладбища, где находился сам Наполеон, едва не попавшийся здесь в плен.

Но неприятельская кавалерия успела расстроить наши передние войска; наскакав в свою очередь на колонны резерва, она, будучи встречена сильным огнем, обратилась в бегство. Несколько наших эскадронов преследовали ее даже почти до Ротенена. Если б генерал Беннигсен имел в средине армии громады кавалерии, построенные в дивизионные колонны, и направил бы их вслед за нашими эскадронами, преследовавшими неприятеля; если б он поддержал эту кавалерию пехотными резервами, которые могли бы достигнуть Ротенена; если б он велел левому флангу армии следовать дивизионными колоннами к Серпалену, что составило бы резерв для вступившего уже в бой резерва, — тогда бы эта кровопролитная драма разыгралась в нашу пользу еще до прибытия войск Даву, и мы не имели бы нужды уверять свет, что отступаем лишь *вследствие победы, дабы запастись необходимыми снарядами*. Ничего не было сделано! Когда корпус Даву около

---

[1] Корпус сей был совершенно расстроен; в доказательство этого служит следующее: 4-й линейный полк лишился всех своих офицеров, а в 24-м осталось в живых только пять человек. Сам маршал Ожеро был ранен, и все генералы убиты. Впоследствии остаток этого корпуса поступил на укомплектование других корпусов, менее его пострадавших.

первого часа пополудни стал показываться на Бартенштейнской дороге, тогда победа уже, видимо, ускользнула из рук наших, и неприятель значительно ободрился.

Но вскоре Даву, подкрепленный пехотной дивизиею Сент-Илера и конною Мильо, занял Серпален; устроив на высотах этой деревни батарею из сорока орудий, он продолжал теснить левый фланг нашей армии. В то время остатки корпуса Ожеро, вся кавалерия и часть корпуса Сульта косвенно потянулись вправо для поддержания атаки Даву, который быстро подвигался в тыл нашей линии. Вскоре дивизия Сент-Илера расположилась в Ауклапене, и самое селение Кушитен было занято пехотою Даву; огонь усиливался ежеминутно, и поле от Кушитена до Шмодитена было покрыто рассеянными нашими войсками, в которых беспорядок стал заметно усиливаться.

В эту грозную для нас минуту князь Багратион своими дарованиями и непоколебимым хладнокровием принял сам главное начальство над этим крылом, выстроил войска перед деревней Ауклапеном, лицом, обращенным к Даву.

При начатии канонады неприятельское ядро прикатилось рикошетом на четверть от ноги князя Багратиона, который с самого начала хотя и видел вместе с нами направление его, но не тронулся с места. Когда оно остановилось возле ноги его, Офросимов поднял его и отдал вестовому. Князь спросил: «Зачем?» — «Это ядро легло слишком близко от вас, чтобы не сохранить его». — «Э, братец, — отвечал князь, — если этим заниматься, так их воз наберешь. А поезжай лучше к Багговуту и скажи ему — *пора*».

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор М. Эссен

Подписано к печати 25/VIII 1942 г. А61282.
Тираж 25 000 экз.
3½ печ. л. 4,72 уч.-авт. л. Зак. № 1561.
Цена 1 р. 50 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста
«Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

1 р. 50 к.

ЭК